

18+

Нина Воронгор

Тени скрытого города

книга вторая

Башня

Нина Воронгор

**Тени скрытого города.
Книга вторая. Башня**

«Издательские решения»

Воронгор Н.

Тени скрытого города. Книга вторая. Башня / Н. Воронгор —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-602402-1

Вторая часть романа — «Башня». Сон находит продолжение наяву. Обыкновенные знакомства становятся странными. Устойчивая реальность пошатнулась ещё сильнее, и в ней появились пугающие трещины. Как Таня справляется с этим? Как выстраивает личную жизнь? Как ищет ответы на беспокоящие вопросы?

ISBN 978-5-00-602402-1

© Воронгор Н.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Настина школа	6
Глава 2	19
Знаки	19
Глава 3	34
Богатыми не рождаются	34
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Тени скрытого города

Книга вторая. Башня

Нина Воронгор

Иллюстратор Вера Александровна Шашерина

© Нина Воронгор, 2025

© Вера Александровна Шашерина, иллюстрации, 2025

ISBN 978-5-0060-2402-1 (т. 2)

ISBN 978-5-0059-0973-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Настина школа

Подруга Настя прислала эсмэску: мол, её приняли на работу в отоковскую школу и скоро она приедет, будет временно жить у Тани, пока строится дом, в котором ей выделили квартиру, а об остальном они поговорят при встрече. Таня долго переваривала новость, ходила из угла в угол по квартире. Множество вопросов вертелось на языке, но Настя, как назло, не пожелала обсуждать по телефону.

Выходит, подруге предложили здесь устроиться так же, как предлагали Тане. Но как она решилась? Ведь, по её мнению, Оток – дьявольский город! Да Таня и сама теперь так считает! Шутка ли, вокруг люди, готовые в любой момент совершить убийство, стоит проснуться их жуткому лицу на затылке!

Впрочем... Слабо верится, что они способны запросто убивать. На чём основано утверждение Полины? Вряд ли она была свидетелем. Лишь однажды Таня видела проснувшееся лицо тени. Но тот факт, что пассажирка автобуса вела себя агрессивно, ещё ни о чём не говорит! Всем свойственно иногда злиться, хлопать дверями и бить посуду. Ничего особенного!

Хотя... Сколько себя ни успокаивай, но, чтобы считать город дьявольским, достаточно уже того, что у жителей Отока по два лица. Настя бы точно пришла в ужас, если бы убедилась в этом. Но Таня ничего не скажет. Зачем зря пугать?

А ведь странно, что она приезжает. Многие, наоборот, удирают из Отока.

Потом Таня задумалась, рада ли она перспективе жить вместе с подругой. В квартире, которую уже считает своей. Есть плюсы в том, когда одна.

В доме, хоть и пыльно, но всегда порядок: не валяются вещи, про которые не поймёшь, случайно они здесь или нужны кому-то или, может, выбросить не спрашивая. На кухне чисто, просторно. Не то, что в доме у родителей!

Там на плите вечно брошена сковородка с застывшим жиром. Со вчерашнего дня стоит кастрюля с бульоном, про который неизвестно, будут ли варить суп и когда. Столы завалены грязными тарелками. Среди крошек рассыпаны яблоки, лимоны, распался газетный кулёк с зеленью. Доносится резкий запах из открытой банки с селёдкой. А рядом с раковиной на столе блестят чёрные лужицы после мытья картошки; вода ползёт к краю столешницы и стекает на пол. А что творится в холодильнике? Всё битком, напихано как попало! Половину полки занимает кастрюля, на дне которой недельная каша, другая полка отдана сковородке с тремя пельмешками в застывшем масле, к дверце прислонён накренившийся початый пакет с прокисшим молоком, а в дальний угол притиснуто нечто давно забытое, маленькое и засохшее.

Когда Таня стала жить одна, то легко убедилась, что холодильник, оказывается, может быть совсем другим! Откроешь дверцу, и на душе спокойно: полки полупустые, овощи, банки и прикрытые тарелочки стоят аккуратно, не мешая друг другу.

А появится Настя... Какая она в быту? Всё равно ведь не такая, как Таня!

И вообще, неудобно будет! Ни развалиться на диване в расстёгнутом халате, ни принять свободную позу, потому что нужно будет всё время следить, как ты выглядишь. И халат придётся чаще стирать.

Хотя, скорее всего, Таня преувеличивает. Стало вдруг стыдно за пришедшие мысли. «Жадная я, что ли? Или как это называется?»

Просто Таня привыкла к одиночеству. Посторонние шаги и голоса давно не мерещатся. И совсем не скучно! Некогда скучать. Таня ходит на работу, два раза в неделю – на йогу, общается с Полиной и, самое главное, почти каждый день знакомится с новыми парнями, которые

угощают пирожными в кафе. Жизнь бурлит настолько интенсивно и ярко, что Таня впервые за много лет смогла признаться себе: «Я счастлива!» Интересно, заметит ли Настя, как она изменилась? Хотелось бы, чтобы заметила.

Впервые Таня почувствовала, какие приятные ощущения дарит обычная жизнь: сладкие потягивания в постели после сна, упругость пола под босыми ногами, обжигающее тепло и кислинка чая с лимоном, прохлада и текучесть уличного воздуха, мерцание искорок на снегу. Жизнь интересна! Самая обыкновенная, повседневная, от которой Таня когда-то мечтала бежать в параллельный мир.

Захватывают наблюдения за людьми. Вот пожилой мужчина в маршрутке поглядывает на пожилую женщину, собирающуюся выходить. Женщина хоть и в возрасте, но седые волосы завиты, губы накрашены, пальто новое. Она смущается, вертит головой, но старается, чтобы мужчина видел её лицо. Вышла, и они так и остались незнакомыми друг для друга.

Привлекают внимание дворовые собаки, добывающие пищу в мусорных контейнерах. Таня всех узнаёт в морду. Наблюдает за ними, а они наблюдают за ней. Мусорные контейнеры – собачья территория. А коты ютятся по подвалам. Сидит этакий мохнатый бандитского вида в чёрном проёме над землёй. Сразу ясно: к себе не то, что погладить, а на три метра не подпустит!

Иногда высоко на ветке Таня замечает птиц, которых прежде никогда не видела, наверное, потому, что они почти не спускаются на землю. И как называются? Кто бы подсказал...

Некоторые наблюдения оказались неожиданными, удивительными! Например, сидит однажды на кухне с кулинарной книгой в руках – давно знакомой книгой, которую сама Таня много лет назад подарила маме на 8-ое Марта и которую мама прислала Тане в Оток вместе с магнитофоном и другими вещами. Сидит и разглядывает гладкую обложку книги. И внезапно осознаёт, что название «Искусство кулинарии» написано не просто на красном фоне, а на большой палитре художника! А ведь сколько до этого смотрела на обложку, никогда не замечала палитры!

А вот ещё одно из недавних наблюдений. Таня купила в магазинчике рядом с домом ванильный пирог, завёрнутый в прозрачную плёнку. Когда дома развернула и отрезала кусок, то обнаружила, что пирог горелый, с толстой угольно-чёрной коркой, и повидло горелое. Зато на этикетке изображена медаль с надписью: «За высокое качество продукции. Всероссийский смотр качества хлеба и хлебобулочных изделий». Пришлось отрезать и выкинуть добрую часть «высококачественного» пирога, прежде чем утолить им голод (насладиться вкусом, увы, не получилось).

Полина бы, наверное, сказала, что ситуация с пирогом – знак от Духа. Только что он означает? То, что Таня кого-то обманывает? Или её кто-то обманывает? Может, обманывает сама Полина? Вдруг представилось: парни, имена которых в списке для знакомства, подставные, Полина с ними сговорила. Впрочем, Таня сразу со смехом отбросила бредовую мысль.

Может, обманывает Петя, с которым недавно встречались? В кинотеатре в центре-два они сидели на скамеечке в фойе и отогревались.

Петя действительно врун, но из-за хвастливости и завышенной самооценки не замечает этого. Правда, то, что он врун, понятно и без знаков свыше: во время разговора он никогда не смотрит на собеседника, зато часто повторяет, что видит людей насквозь и знает множество психологических приёмов, направленных на то, чтобы влиять и производить благоприятное впечатление. Раньше Петя работал в сетевом маркетинге: подходил к людям на улице и предлагал кухонную утварь, украшения для интерьера, а также вибромассажёры. На его языке это называется «быть менеджером», но Таня считает, что он просто был продавцом, причём из разряда особо навязчивых. Сейчас Петя работает охранником. «То есть человеком, – домыслила Таня, – который тупо сидит на одном месте или ходит из угла в угол, маясь от скуки». Поинте-

ресовалась, лидер ли Петя. Он чересчур твёрдо кивнул: «О да! Конечно, лидер! И умею руководить коллективом!»

Тем не менее, пока сидели в фойе кинотеатра, Таня смотрела на него сверху вниз в прямом и переносном смысле: во-первых, он намного ниже ростом и колени в тёмно-синих джинсах худые, как у мальчика, во-вторых, он на полтора года младше, в-третьих, не пригласил в кафе, значит, или жадный, или с пустыми карманами (последнее ближе к истине).

Уже трое парней угощали Таню кто пирожным, кто мороженым. Этими тремя были Юра, у которого рубашка с запонками, потом крепкий парень с тёмными аккуратно прибранными волосами и материалистическими взглядами на жизнь и наконец парень из многодетной семьи в длинном развевающемся пальто, окончивший восемь классов и рано начавший зарабатывать (чем-то он напомнил Ивана из мультфильма про Конька-горбунка). С «Иваном» и темно-волосым материалистом Таня лишь по разу сидела в кафе: беседовали, пили чай, попросились и больше не созванивались. А вот с охранником Петей после встречи созвонились и до поздней ночи болтали по телефону.

Любопытно, но общение с Петей продлится почти месяц! Приедет Настя, а Таня всё ещё будет засиживаться по ночам, прижимая к уху телефонную трубку. Они так и не встретятся больше, но будут планировать встречу и откладывать её из-за Тани.

Петя как-то позвал в ресторанчик, который он охраняет, чтобы приехала вечером и осталась на ночь: мол, ночью там никого нет. Таня отказалась. По правде говоря, тяготила необходимость отвечать на его звонки, но через пятнадцать минут разговора становилось интересно и даже приятно. Делились друг с другом мечтами. Таня поведала, как представляет своего «прекрасного принца», Петя посвятил в фантазии о «прекрасной принцессе». Он был уверен, что они подходят друг другу. А Таня параллельно знакомилась с другими парнями.

Однажды Петя с гордостью сообщил, что купил пейджер и теперь ему можно присылать сообщения. Таня удивилась: почему не сотовый? Пейджер – это же прошлый век, да и слово какое-то дурацкое! Но вслух не сказала. Отправила сообщение (Петя ведь так хотел!), в котором назвала его «зайчонком».

Они вот-вот должны были встретиться, договорились на воскресенье. И тут Таня придумалась: общение с Петей всё сильнее тяготило, вынуждало произносить фальшивые слова и совершать ненужные поступки. Пора бы остановить это! Долго колебалась, собиралась с духом, боялась, как бы Петю не обидеть. В конце концов, позвонила: мол, не готова я к близким отношениям, не доросла ещё, лучше тебе, Петя, найти более решительную девушку. Петя расстроился, зато не обиделся, ведь Таня постаралась именно себя выставить в плохом свете, вроде как дело вовсе не в нём.

Всё это будет после приезда Насти.

А сегодня предстояла волнительная встреча: подруга предупредила в СМС, что *они* (с братом Митей) будут ближе к вечеру и что едут на *Настинной* машине. Таня сразу попросила пояснений, но Настя обещала объяснить позже, при встрече.

Таня, конечно, помнила, как подруга хотела получить водительские права, и ещё тогда удивилась этому экстравагантному, на её взгляд, желанию. Настя, такая женственная, неторопливая, мягкая, совершенно не мыслилась за рулём большой сложной железяки, на которой надо ещё успевать ориентироваться в потоке высоких скоростей: не дай бог, врежешься или в тебя врежутся! Думала, что подруга не всерьёз, – просто под впечатлением чьих-то слов, опыта или, может, фильма. И ошиблась! Таня улыбнулась, встряхнувшись от нетерпения. Любопытно посмотреть на эту сторону Настинной личности: как ведёт машину, следит за дорогой.

Собираясь на работу и оставляя ключи у соседки Алевтины Павловны, Таня понимала, что вернётся сегодня вроде в ту же самую и одновременно в совершенно другую квартиру, где будут ждать два человека, с которыми давно не виделась: подруга и её брат. После рабочего дня, подходя к подъезду, Таня увидела, что в кухонном окне за старой матерчатой скатертью

горит свет. Скатерть от соседки, девушка использовала её в качестве занавески, прицепляя два конца за гвоздики. В зале тоже было светло.

Настя открыла дверь, улыбающаяся и как будто похудевшая. Обнялись, поцеловались. У неё покрасневшие глаза – видно, устала. Таня растерянно потопталась с пальто в руках, не зная, куда повесить: один гвоздь занят вешалкой с зелёным пальто Насти, на втором висит чёрно-серый пуховик Мити.

– А мы только приехали! – сообщила подруга. – Устали как черти! Полдороги я везла, полдороги – Митюшка.

В доме было холодно из-за сквозняка. Обе форточки распахнуты. В комнате на полу стояли открытые чёрные сумки с вываливающимися мешками и свёрнутыми одеждами. На диване рядом с Таниной постельной кучей лежало перевязанное верёвкой розовое ватное одеяло, от которого веяло улицей, и растопырила уши подушка без наволочки в желтоватых пятнах. К стене прислонена гладильная доска с нарисованными пушистыми собачками.

– Ты видела мою машину? – спросила Настя.

– Ой, нет! Она перед подъездом?

– Да. «Жигули» белого цвета.

– Дорого стоила?

– Мы купили подержанную у знакомых. Нет, недорого.

– И ты сама вела её? – не могла поверить Таня.

– Да, вела! Несколько раз менялись с Митюшей.

– Удивляюсь, как ты решилась! Получить права, купить машину...

– Женщина за рулём – обезьяна в танке! – выкрикнул Митя шаблонную фразу.

Вместо ответа подруга весело сообщила Тане:

– Я ещё на мотоцикле хочу выучиться!

На кухне коробка с тортом, гроздь из трёх бананов и три зелёных яблока, мешок с отрубным печеньем, баночка клубничного варенья и свежие овощи: мытый картофель, мытая морковь, несколько луковиц и кочан белой капусты, обёрнутый в прозрачную плёнку.

– В местном магазинчике купили пельмешек и сосисок, – Настя кивнула на холодильник. – В морозильнике.

– Там ещё килограмм пельменей!

– Ну, ничего страшного, съедим!

– Съедим, конечно! – улыбнулась Таня. – Я и не думаю, что много пельменей – это страшно.

– Знаешь, Танюсик, я очень устала. Прямо сейчас бы спать завалилась. Ты не обидишься?

– А на что обижаться?

– Ну, не посижу с тобой...

– Спи, конечно! Сейчас постелем.

– Ты как, Митюш? – Настя обернулась на брата.

– Я... А я бы перекусил сначала!

Расправили на диване простынь, сверху накинули Танино одеяло, а Настино постелили на полу для Мити. Таня и Митя ушли на кухню наводить порядок и варить пельмени, а Настя сбегала в ванну, а потом прошмыгнула мимо кухни босиком в сорочке, щёлкнула выключателем.

Наедине с Митей Тане сделалось неловко и досадно на себя за неловкость. Ну почему она не способна сохранять спокойствие в присутствии мужчины? Тем более Митя даже не совсем мужчина, просто Настин брат, аж на четыре года младше Тани. У него до сих пор подростковые угри и усики жиденькие.

Пока кипела кастрюлька, Митя встал слишком близко от Тани – для него, наверное, комфортное расстояние, а девушке захотелось поскорее отстраниться шага на два. Но какое-то время сдерживалась: надо же себя воспитывать!

Потом сидели друг напротив друга, ели, разговаривали. А Таня боялась улыбнуться, прикрывала рот ладонью: вдруг заметит во рту разжёванный пельмень? Или вдруг губы испачкались в сметане? А ещё очень трудно вести беседу. Таня задаёт вопрос, смотрит отвечающему Мите в лицо, он смотрит на неё, а она почти не слышит ответа, не может сосредоточиться на словах. Напряжённо ловит Митин взгляд, напряжённо улыбается, кивает и боится, что Митя прекрасно видит её напряжение и догадывается, что она не слушает. Недаром его речь медленная, сбивчивая, с повторами: Танино невнимание, наверное, путает ему мысли.

После пельменей Митя пошёл спать.

Взглянув на тёмный проём и прикрыв его стеклянной дверью, Таня почувствовала себя чужой в собственной квартире. Сейчас всего-то девять часов! Неужели тоже укладываться в постель? Обычно в это время у Тани свет горит во всём доме, включен телевизор или звучит музыка с магнитофона, Таня пьёт чай и разглядывает рисунки, свои или в книге репродукций. Изредка рисует, правда, ни один рисунок не заканчивает.

Часто вечерние часы тратились на телефонные разговоры. Вот вчера звонил новый парень, Сергей. Как бы Тане хотелось, чтобы сейчас он снова позвонил! На худой конец, позвонил бы Петя, хотя Таня сама предупредила его, чтобы не беспокоил первые три дня после приезда подруги: мол, будет не до него. Чем же заняться?

Сидя на кухне, Таня время от времени поглядывала на торт: сквозь слой желе по бокам просвечивали кусочки бананов, сверху – шоколадная глазурь, а в качестве украшения торчали палочки, наверное хрустящие. Таня ждала, когда, наконец, во рту исчезнет пельменный вкус, а то так и тянуло немедленно приступить к поеданию торта.

Утром Таня проснулась оттого, что с дивана поднялась Настя. Подруга пошуршала в сумке и ушла в ванную. Таня зажгла экран сотового: ровно шесть. Отключила будильник и закрыла глаза, собираясь ещё поваляться. Но вдруг подумала: «Скоро на работу, и снова до вечера не будет возможности поговорить с подругой!» Поднялась – тихонько, чтобы не будить сопящего Митю, – и отправилась на кухню расчёсываться. Выйдя из ванной, Настя приступила к чистке картофеля.

– Что ты хочешь готовить? – удивилась Таня.

– Толчёнку с сосисками.

– Не очень-то похоже на завтрак.

– Пусть Митюшка как следует поест, наберётся сил перед дорогой, – Настя подставила под кран кастрюльку, наполняя водой.

– Разве он уезжает сегодня? – обрадовалась Таня.

– Да. У него ведь экзамены на носу, заниматься надо. Ой! Неужели в такой воде варить? – острый носик подруги грустно повис над кастрюлей. – Я мылась-то с осторожностью, но не подозревала, что вода настолько грязная.

Таня приблизилась:

– Эта ещё более-менее! Бывает намного хуже.

– Ты меня утешила, – Настя со вздохом направилась к плите.

– Соседка говорит, что наш район... который, кстати, знаешь, как называется? Вот я смеялась! Называется Запсишный! Потому что за психбольницей. Так вот, наш район пользуется не той водой, которой весь город, а подсоединён к местному подземному источнику. Фильтров нет. Вроде выделяли деньги на их установку, но деньги куда-то пропали. Так фильтры и не доделали! А ты в каком районе будешь жить?

– Кажется, в другом, не в Запсишном!

– Наверное, в Предпсишном!

Подруги развеселились.

– Митя на твоей машине поедет? – поинтересовалась Таня.

– Не-ет! Машина со мной! Он билет купит.

– Сомневаюсь, что удастся купить на сегодня. Сейчас много людей едет из Отока.

– Ну, не удастся на автобусе – на частнике уедет.

– Вон твоя машина? – Таня показала в окно.

– Моя, – Настя тоже выглянула.

– И тебе нестрашно ездить? Тем более на далёкое расстояние, в другой город!

– Нет, на трассе нестрашно. Это в городе боязно, особенно в нашем. Оток, как я заметила, тихий городок, маленький. А у нас, вспомни, движение большое, поток машин в три ряда! Я там ездила не более шестидесяти километров в час и только по правой полосе, где спокойнее.

– Подгоняли, наверное, сзади? – улыбнулась Таня.

– Бывало! Сигналили, если никак тронуться не могла.

– А почему тронуться не могла?

– Надо тонко управлять педалями. А ещё с коробкой передач не справляюсь, не на ту скорость ставлю. Коробка передач – это рычажок такой. Чуть-чуть сдвинешь, и мотор реветь начинает – ничего не слышно! Я нервничаю.

– И чем же тогда тебе нравится вождение? – недоумевала Таня.

– О! Я очень люблю дорогу, когда что-то пронесется мимо...

Настя убавила огонь над конфоркой. В кастрюле сильно бурлило.

– С детства мечтала ездить сама, в гонки на приставке играла, правда, не знала, что в жизни всё по-другому. Конечно, пока есть напряжение: я ведь только учусь! Но потом будет одно удовольствие. Особенно за городом: природа, деревья... Сейчас всё в снегу, царит покой. По пути в Оток я чувствовала себя свободно, ехала посередине дороги, разгонялась до 90 километров. А! Так смешно – слушай! Едем, я за рулём. Вдруг сзади – иномарка. Сначала подгоняла нас, а потом так аккуратненько, аккуратненько издалека стала объезжать. Объехала и рванула вперёд. Митюшка смеётся, говорит: «Испугался, косички увидел!»

– Косички? – не поняла Таня, взглянув на Настину стрижку.

– Ну, это образно он так выразился.

Таня заварила чай, предвкушая банановый торт, от которого вчера всё-таки отъела кусочек. Настя села, откинувшись на спинку и расслабленно опустив перед собой руки.

– Как я рада, что мы опять вместе! – улыбнулась она. – Что всё так счастливо совпало и меня поселили именно к тебе!

– Я почему-то думала, что ты сама решила пожить со мной, пока твоя квартира строится.

– Не-ет! Мне позвонили из школы, откуда я уволилась, и предложили работу в Отоке, сказали, что квартира предоставляется. Ну, я сразу ухватилась. «Ого! – думаю. – Ты, значит, здесь, и меня теперь сюда. Весело!» Тем более искала работу. А в последний момент узнаю, что предстоит и жить вместе с тобой! Какое-то время, конечно, пару месяцев. Дом уже совершенно построен, пятиэтажка. Вчера с Митюшкой смотрели: красивый, кирпичный, пластиковые окна, застеклённые балконы. Через два месяца сдадут.

И Настя с улыбкой повторила:

– Так здорово: ты и я снова вместе! – она сделала движение, будто собирается то ли обнять, то ли потрепать за щёки. – Я и не предполагала, что бывает сразу столько совпадений!

Таня кивала, и всё же кольнуло неприятное чувство: почему люди, предоставившие ей квартиру, теперь запросто этой квартирой распоряжаются, будто она вовсе и не Танина? Ладно, подругу подселили, но ведь это случайность: могли и незнакомого кого-нибудь! Вообще, непонятно, какие у Тани права и законно ли с ней поступают. Надо будет выяснить!

– Всё-таки почему ты уволилась? Зарплата маленькая?

– Здесь тоже маленькую предлагают. Во всех школах в этом смысле одинаково, кроме, конечно, частных. Нет, не из-за денег. Это долгая история...

– Тогда поговорим про школу вечером, когда с работы вернусь! – остановила Таня. – А чем ты занималась после увольнения?

– Ходила на собеседования, искала работу. Брала репетиторство, подтягивала ребяташек по русскому. Кстати, за месяц удалось заработать три тысячи – в два раза больше, чем получала в школе.

– Так и продолжала бы репетитором! – недоумевала Таня.

– Нет, Танюсик, это не моё! Тяжело ездить, мотаться по городу то к одному, то к другому. Бывает, мальчишка забыл и гуляет. Или даже уехал куда-нибудь с родителями, а меня не предупредили. Я жду, стою под дверью пять минут, десять и ухожу ни с чем. Потом, конечно, разбираемся, обещаем, что больше не повторится. После второго раза требую уже деньги за несостоявшийся урок! Но всё равно... Репетиторство мне не по душе! Я хочу именно с коллективом: наблюдать за ребёнком в кругу сверстников, видеть, как он по другим предметам учится, иметь целостное представление о каждом. А так мы сидим один на один за столом, отзанимались сорок минут и до свидания! И я не знаю, какой он, чем живёт. Да и, чего уж там, хочется социальных гарантий! Чтобы на пенсию капало, больничные, отпускные, как на нормальной работе.

Из коридора донеслись Митины шаги. На пороге кухни он появился заспанный, растрёпанный, в белой майке и свободных штанах.

– Вкусно пахнет! – потянул носом.

– Иди умойся сначала! – строго сказала сестра.

– Я ведь писала тебе, что начала знакомиться, – напомнила Таня, когда Митя скрылся.

– Да, ты говорила. Полина дала список.

Настя поджала губы, глядя в кастрюлю и разминая картошку. Что-то ей не нравится?

– Ты бы стала знакомиться подобным способом?

– Нет! Но это моё личное отношение. Я тебя, конечно, не осуждаю.

– Они ведь мне сюда звонят, мы говорим по телефону, иногда подолгу, – расстроено призналась Таня. – Тебя это будет раздражать.

– Всё нормально, не волнуйся! – успокоила Настя. – Не будет меня раздражать. Во-первых, это твой дом и ты в нём хозяйка. А во-вторых... я желаю тебе только хорошего! Чтобы ты поскорее встретила свою вторую половинку и чтобы поменьше было проходных вариантов. Ты вообще-то знакомишься с какой целью? С целью создания семьи или просто?

Спрашивая, Настя сделала вид, будто ей безразличен ответ.

– Я ищу того, кто станет моим мужем, конечно, – прохладно откликнулась Таня.

Полноценно поговорить удастся только вечером.

А на работе, завидев светлокудрую директоршу, Таня не упустила шанса выяснить, почему без её ведома к ней подселили человека. Директор взглянула удивлёнными голубыми глазами.

– Начнём с того, что я не в курсе этих дел, и вообще, не я предоставляю квартиры, а губернатор.

Таня смутилась.

– Извините... А вы не знаете, имеют ли право со мной так поступать?

– Думаю, вы что-то напутали. Без вашего согласия, конечно, никто бы к вам никого не подселил. Советую вам разобраться, обратиться в высшие инстанции.

– Да я не против: вселили-то подругу! Но это по случайности, они ведь не знали, что она моя подруга. Хотя ключей от квартиры ей не дали, я сама ключи оставила...

– Что вы мне голову морочите? – директор нахмурила гладкий белый лобик. – Значит, сами и дали согласие, чтобы подруга с вами жила! А если против, то разбираться надо.

– Да нет, я не против, – Таня пристыжено отвернулась.

Вечером, возвращаясь домой, вновь со сладким и волнительным чувством посмотрела на свет в кухонном окне. А в зале темно. Войдя в квартиру, узнала, что Митя уехал. Настя сварила грибной суп и, сидя на кухне, писала тематический план на предстоящую половину учебного года. В очках её глаза казались маленькими. Она надевала очки, когда писала или читала.

– Ой! Что это я расположилась? Ты садись есть, супчик ещё тёплый!

Подруга собрала бумаги и учебники в стопку.

– Ты со мной так и не поговоришь? Собираешься весь вечер писать? – скуксилась Таня.

– Да писать я и завтра могу! Поговорим, конечно!

Суп оказался ароматным и лёгким. Таня удивилась, откуда подруга зимой взяла грибы, и узнала, что грибы продаются замороженными в пакетах. Под Настину диктовку записала простенький рецепт.

Подруга была в восторге от Отока.

– Такой тихий, уютный городок! Пространства много, машин мало. Я прогулялась не торопясь по улочкам: домики все маленькие, а люди, мне показалось, добрые, светлые. Может, наивные слегка, но это их красит.

– Наивные? У меня, наоборот, с самого начала сложилось впечатление, что они замкнутые и подозрительные! И когда ты успела разглядеть отоковчан?

– Ой, что сейчас расскажу – упадёшь! Это про то, как я разглядела отоковчан. Представляешь, поехала в школу, но в результате уехала куда-то аж за город! Опомнилась, когда в автобусе остались лишь я да старенькая бабушка, а вокруг уже лес сплошной стеной! Дождалась, когда остановка, вышла. Гляжу: кладбище! Представляешь? Я в панике! Стою на остановке, мёрзну, а автобуса всё нет. Целый час простояла! Решила поймать машину, и один приятный дядечка на стареньком москвиче подвёз меня прямо к воротам школы, причём бесплатно. Точнее, он не хотел брать денег, но я настояла, дала сорок рублей.

– Ну Настя, любительница путешествовать! – засмеялась Таня. – Не ты ли утром признавалась в пламенной любви к дорогам? Кстати, а почему не воспользовалась своей машиной?

– Я хотела ближе узнать город, прогуляться.

– Вот и прогулялась! И на основании одного водителя делаешь вывод, будто отоковчане милые и добродушные?

– Я не только с водителем успела пообщаться. С продавцом в магазине! Да достаточно на лица прохожих посмотреть!

«На лица...» – Таню передёрнуло.

– Я всегда мечтала жить где-нибудь в деревеньке на природе, – продолжала Настя. – Может, в будущем и переселюсь туда, а пока меня вполне устраивает Оток!

– Уже не кажется дьявольским? – не удержалась Таня.

– Ты о чём? А! В тот раз я делала вывод из твоих рассказов. Ты говорила о парне, который тебе нравился. Гриша? Кстати, вы с тех пор не встречались? Я имею в виду, здесь...

– Встречались, но об этом позже, – перебила Таня. – Ты обещала рассказать о школе!

Приготовили кружки с чайными пакетиками, поставили воду, и под шипение чайника Настя начала рассказ, который закончился уже в комнате, непосредственно перед застиланием дивана и укладыванием спать.

– Ты знаешь, я ещё в университете во время педагогической практики почувствовала разочарование в школе, – призналась Настя. – Рухнула моя цель стать учителем, и пропал весь смысл пятилетнего обучения в университете. С детства мечтала преподавать в школе, а в результате после окончания университета поступила в аспирантуру.

– Действительно, странно! – вмешалась Таня. – Я была уверена, что ты устроишься в школу, ведь ты прирождённая учительница – только взгляни на себя! Кстати, почему ты бросила аспирантуру?

– Танюсик, я ушла, потому что мне до смерти надоел Ходасевич и его поэзия! Ведь я со второго курса работала над этой темой, писала дипломную. А тут ещё диссертация – скучно стало! Мне казалось, в дипломной работе я сказала о Ходасевиче всё! Привлекла более ста источников, тщательно анализировала стихи. На диссертацию уже не осталось новых идей. К тому же моя научная руководительница, которая при написании дипломной предоставляла мне почти полную свободу, во время работы над диссертацией постоянно вмешивалась, контролировала. Сама моя концепция теряться стала. Ну и вот... уволилась! И решила-таки попробовать себя в роли учителя.

– От себя не уйдёшь! – весело резюмировала Таня.

– Мне достались четыре десятых класса и один восьмой, ЗПР. Причём дали классы безапелляционно, а я потом узнала, что нагружать начинающего учителя таким сложными ребятами, как из ЗПР, нельзя! Три дня в неделю вела по четыре урока, а четвёртый день – семь уроков. Этот день был самый трудный, жутко выматывалась! Представь: пять классов, для каждого своя подготовка, дети разные. А в выходной вместо полноценного отдыха – только-только прийти в себя! И каждый день: отвела уроки, закрыла кабинет и уже пора готовиться к новым урокам, проверять тетради. Сидела частенько по ночам, тетрадка за тетрадкой пять стопок выкладывала на подоконник. А ещё заседания кафедры один раз в три месяца.

– В школе тоже, как в универе, есть кафедры? – удивилась Таня. – И что делают на заседаниях?

– Я читала про знаковую систему.

– Слушай, Настя, если ты уволилась из-за нагрузки, то почему снова решила устроиться в школу? Опять ведь будет то же самое!

– Главная причина в другом! А загруженность на любой работе будет – можно приспособиться.

– И ты приспособилась?

– Не-а! – Настя улыбнулась. – Но у меня всё впереди!

– Тогда в чём главная причина увольнения?

– Во всём сразу, наверное... Директор кошмарная в той школе! Рита Игоревна Шевелёва. Кстати, не разрешала называть себя Маргаритой, а только Ритой Игоревной. У неё тяжёлый, давящий взгляд, низкий суровый голос. Глядя на этого человека, сразу понимаешь, что ничего с тобой обсуждать не будут – надо закрыть рот и повиноваться. Хотя голос не командный. Однажды после уроков я сбегала домой пообедать и опоздала на планёрку минут на десять. Директор покосилась и говорит, как бы между прочим, негромко, но иголкой в попу: «На планёрку, просьба, не опаздывать». Ученики не воспринимали меня всерьёз! Ведь им по семнадцать, а мне двадцать два – разница не очень большая.

– Да и выглядишь ты моложе своих лет, – добавила Таня.

– Вот и представь: парни высокие, девушки фигуристые. Помню, меня ещё не знали, я подошла посмотреть на линейку, а учительница: «Ой, новенькая? Из какого класса?» Несерьёзно! Да и сама я не умела создавать дистанцию. Когда увольнялась, одна из моих учениц призналась: «Анастасия Михайловна, вы нам как подружка!»

– Ты сдружилась с девочками? – засомневалась Таня. – Такой возраст... В этом возрасте они склонны относиться оценивающе и даже презрительно.

– Оценивали! – кивнула Настя. – Особенно первое время оглядывали сверху вниз. Я от этого старалась закрыться, сразу уходила в тему урока. Довольно скоро мы привыкли друг к другу, и чувство соперничества сгладилось. Сложнее было с парнями: заигрывали! Как-то я пошла с двумя классами в поход...

– Ты была классным руководителем?

– Нет! Классное руководство в первый год не дают, сама вызвалась! Митя помогал, сопровождал к реке. Это было весной, снег ещё не растаял. Я вела себя по-детски: бегала с ребятами,

хи-хи, ха-ха. Парни могли подойти, приобнять – не по себе становилось! Хотя сама виновата... Помню, хожу по классу, рассказываю. На мне чёрная юбка и розовая кофточка, сверху пиджак. Стало жарко, и я – раз! – пиджак скинула. Парни глаза вытаращили: «Ого! Ни фиги себе!» Мило улыбались всегда. И шушукались между собой, будто я к кому-то неровно дышу.

– Может, ты и вправду неровно дышала? Кто-то особенно нравился? – хитро прищурилась Таня.

– Нет, что ты! Вот сейчас мне дают пятые классы, ребятишкам 11—12 лет. Думаю, сумею держать дистанцию! А там невольно видела, что они всё-таки мужчины. Сиделась рядом за парту во время написания сочинений – наверное, это неправильно, с педагогической точки зрения. Называла уменьшительными именами: «Сашенька», «Ванюша». И на «вы». И так дистанции нет, а я ещё больше сокращала!

Другая трудность – плохо понимала свою роль в классе. Чрезвычайно неудобно было заставлять детей писать. Бедные! Они ведь устают! Боялась дать лишнюю нагрузку. А ведь ребята затихают именно на тех заданиях, когда нужно писать! А на устных – треплются и расслабляются. Стала понимать это только под конец учебного года. Из-за того, что мало заставляла писать, в классе царил жуткий шум, особенно в классе ЗПР: они прыгали по партам. Кстати, в ЗПР меня любили больше всех. Потому что я их жалела. Им вдолбили в головы, что они дураки, вот у них и пропало желание учиться, раз дураки. Между прочим, среди них были два мальчика, которые случайно там оказались: просто медленно работают. Как-то на урок в ЗПР пришла чья-то мама, посмотреть, как я учу. Она была в шоке: «Вы даёте такой уровень, так обращаетесь! Никогда не видела, чтобы к ним с таким уважением!»

– Ты давала сложные задания? – уточнила Таня.

– Не то чтобы сложные... Мы, например, обсуждали произведения, а с ребятами из ЗПР не принято обсуждать. Обычно от них требуют сочинение-пересказ – просто тупо пересказать. Но я интересовалась их мыслями и видела: они всё понимают! Может, покажется странным, но мне интереснее было именно с ЗПР. А дети, которые считаются умными, высокомерны и всё время стараются угадать, что от них хочет учитель. Отвечая на вопрос, они говорят в принципе правильные вещи, но говорят сухо, их это не трогает. А ребятишки из ЗПР чувствуют произведение! Может, не всегда могут сопоставить какие-то эпизоды, но если герои повести любят друг друга, то ребята сердцем переживают за них. Хотя, возможно, как литературовед я была неточна в подаче произведений. Помнишь экзамен в универе по литературе 19 века? Принимала Лачинова...

– Помню её! – улыбнулась Таня. – Древняя интеллигентная старушка с седыми волосами. (Показала, как вьются.) Еле-еле ходила, но мозги ясные! А Терехову по античной литературе помнишь? Интересно, она ещё преподаёт? Тоже очень старая. Всё время сетовала на некультурную молодёжь и напоминала, что университет – храм науки. Пол-лекции могла об этом говорить!

– Да-да! «Как не стыдно заходить в храм науки, не сняв шапку?!» И целый час про эти шапки! А я вспомнила, как отвечала Лачиновой на экзамене...

Таня с готовностью кивнула, сообразив, что отвлеклась.

– Вот Раскольников закрылся в раковину и ничего, кроме своей идеи, не замечает. Лачинова слушала и размеренно стучала карандашом по столу: тук... тук... Поставила тройку и молвила: «Дети вас, наверное, любить будут. Вы говорите эмоционально, красочно. Но, с точки зрения литературоведения, вы ничего не сказали». В принципе, она была права.

– Скажи, ребята из ЗПР-класса в буквальном смысле бегали по партам? – Таню позабавила воображаемая картина.

– Бегали! И ботинок не снимали! Однажды захожу: как всегда, шум, гам, ботинки на партах. Не выдержала, хлопнула со всей силы дверью и заорала: «СЕЛИ ВСЕ! Открыли страницу, читаем!» Ребятишки притихли, уткнулись в книги. А я испугалась: неужели эти дети могут

слушаться, только если я ору? И подумала, что здесь по-другому нельзя. Знаешь, Танюсик, это, пожалуй, и есть истинная причина моего увольнения! – Настя посмотрела прояснившимся взглядом. – В той школе атмосфера муштры. Иду как-то по коридору, а из каждого кабинета раздаётся жуткий командный голос. И в такт шагам стучат ручки на моей сумке, как кандалы: клац-клац! Я подумала: «Да-а, каземат!» С учителями не смогла найти общий язык: они противные, нудные, даже друг с другом говорят приказным тоном. Одним словом, разочаровалась в учительстве! После летних каникул – кажется, как раз в день твоего отъезда – я сильно заболела. Ночью задыхалась, побелела вся. Вызвали «скорую».

– Ой, что с тобой было?! – испугалась Таня.

– На нервной почве. Начался ведь учебный год, и снова дети на головах! Как только вышла с больничного, сразу подала заявление на увольнение. Пока болела, много думала, но решение приняла железное! Тогда даже предположить не могла, что и года не пройдёт, как я снова решусь на этот подвиг, – Настя хмыкнула. – Но теперь я иду в школу без иллюзий, учитывая прежние ошибки! Получив предложение, я вновь задумалась о роли учителя, стала анализировать прошлый опыт, посидела на уроках более опытных учителей в той школе, где работала, сравнила себя с ними и многое поняла. Думаю, теперь всё будет иначе!

Подруги легли спать. Засыпая, Таня почему-то вспомнила, как Настя ехала сегодня в школу, а попала на кладбище. От этой мысли пробежал холодок. Что бы сказала Полина? Ведь для Насти, даже если она не думает об этом, такая ситуация – знак от Духа, причём, скорее всего, не очень хороший знак.

На следующий день смотрели передачу про конец света. Катастрофу обещали не абы кто, а учёные: мол, в 2012-ом году ледники растают и затопят Землю, в первую очередь Америку. А самое безопасное место – Алтай.

– Оток не входит в безопасную зону? – забеспокоилась Таня.

– Строго говоря, Оток восточнее Республики Алтай, – отозвалась Настя. – Он относится к Алтайскому краю.

– А разве не одно и то же – Алтай и Алтайский край?

– Нет, это разные территории.

– Значит, надо срочно переселяться на Алтай!

Передача кончилась, и Таня переключила канал на местную волну. Странно, конечно, но и здесь речь шла о конце света и пресловутом 2012-ом годе. Только прогнозы немного отличались.

– Они что, сговорились? Настя-а! – позвала Таня, потому что подруга успела удалиться на кухню. – Опять про конец света!

На этот раз в 2012-ом сулили замерзание почти всей планеты, поскольку останавливается тёплое течение Гольфстрим, и ещё будет солнечное затмение и парад планет, какого ещё не видывали.

Таня насмешливо прокомментировала:

– Год назад обещали то же самое! Помню, стояла у окна и смотрела сквозь стёклышко на затмение: ничего особенного, только краешек Солнца закрылся Луной. Если убрать стекло, то и не догадаешься, что затмение. Опять же, пугали парадом планет! Вроде как притяжение, и Земля сместится с орбиты, а это приведёт к извержениям, землетрясениям, наводнениям и прочему. Но ведь ничего не произошло! Земля никуда не сместилась! А ещё на Юпитер падала огромная комета – помнишь? Тоже обещали катастрофические последствия. Как будто люди хотят конца света! Ждут с нетерпением!

Настя стояла, прислонившись плечом к стене, вид у неё был усталый.

– Ты боишься конца света? – спросила Таня.

– Нет.

– И смерти не боишься?

– А чего бояться? Не такая уж счастливая жизнь на земле. Если посмотреть: сплошные тяготы.

Таня нахмурилась.

– Не ожидала, что ты окажешься такой пессимисткой! Да я и не верю тебе! Живёшь ведь, в школу устроилась. Если бы ты действительно думала так, как говоришь, то у тебя и сил не было бы принимать какие-то решения, переезжать в другой город. Ты ведь надеешься на лучшее!

– Нет, не надеюсь, – упрямо не соглашалась Настя. – Всё идёт как идёт. По большому счёту мне всё равно!

Позднее между подругами вновь состоялся разговор о конце света. Настя вынимала из дорожной сумки и освобождала от бумаги две большие и несколько маленьких икон.

– Говоришь, что тебе всё равно, – напомнила Таня, – умрёшь ты или нет, будет конец света или нет. Тем не менее возишь с собой иконы! Значит, ищешь защиту! Значит, не всё равно!

Настя помолчала, сидя на полу перед сумкой и глядя снизу вверх близко посаженными голубыми глазами.

– Ты не обижайся, – молвила она, – но мне кажется, ты не можешь понять чувства верующего человека. Не обижайся: каждый имеет право на свои представления.

Таня всё-таки обиделась. Во-первых, она и не пыталась оспаривать Настину веру, просто хотела разобраться, ведь подруга противоречила сама себе. А во-вторых, неужели трудно объяснить? Зачем с ходу заявлять, что Таня не способна к пониманию? Конечно, без объяснений она так ничего и не поймёт!

Настя попросила повесить икону на тот самый гвоздик над диваном, который предназначался для будущего Таниного рисунка, где она выразит сокровенные чувства. Рисунка пока не было («Потерянную девочку» Таня подарила Максиму Андреевичу), так что препятствовать Насте не стала, тем более подруга поселилась здесь ненадолго – всего на пару месяцев. Да и сюжет для нового рисунка пока не придумывался. Образ потерянной девочки больше не казался привлекательным.

Настя повесила икону Девы Марии со склонённым ликом, опущенным взором и скрещенными на груди руками. На трельяж позади запылённого алтайского камня поставила икону Христа, показывающего раскрытую книгу. Вообще, конечно, ставить что-либо особо было некуда: трельяж и так завален, а шатающийся журнальный столик занимали стопки Таниных папок и тяжёлых книг с глянцевыми репродукциями, а также Настины пирамиды из школьных учебников и пособий для учителя. Был бы стеллаж или хотя бы пара книжных полок!

– Настя, а как дела в твоей домашней общине? – поинтересовалась Таня. – У тебя же собиралось множество людей из церкви. Ты ещё жаловалась, что еду не приносят и распоряжаются как у себя дома.

– Ой, Танюсик, сколько всего я тебе не рассказывала! У меня было трудное лето, многое пришлось пересмотреть: работу в школе, отношения с Сашей...

– Каким Сашей?

– Который собирался на мне жениться, не спрашивая моего мнения на этот счёт!

– Это который хотел построить с тобой идеальную семью в христианских традициях? – вспомнила Таня и развеселилась.

– Да-да, он!

– Вы расстались?

– Расстались, слава богу! Я ведь ему и так и сяк намекала, но он только самого себя слушал. Пришлось, наконец, сказать напрямик! Танюсик, я в буквальном смысле послала его куда подальше!

– Молодец, Настя!

– Тогда только он услышал! Когда в жёсткой, грубой форме. Больше не приходил. Но ты представляешь: у папы был день рождения, и Саша отправил ему сообщение по электронной почте, как раз в праздник! Папа открывает почту, читает, и настроение у него вмиг падает! Знаешь, что Саша написал? «Поздравляю и желаю лучше следить за своей дочерью и оберегать её от греха! Откройте глаза и посмотрите, куда она катится».

– Кошмар! – от изумления и возмущения Таня не находила слов.

– День рождения был испорчен.

Излив негодование в адрес Саши, подруги вернулись к теме религиозных собраний в Настиной квартире.

– Надоели все! – призналась Настя. – Часто мечтала отдохнуть, чтобы никто не приходил. Надоело соблюдать их правила, так называемый Устав. Мне ведь хотелось личного общения, а когда столько народу... Смысл пропал! Митюшка сначала присутствовал на собраниях, но потом отстранился. Я тоже стала отстраняться. Как-то Митя заболел, не вышел даже поздороваться, лежал в своей комнате лицом к стенке. А к нему врывается парень из общины – Коля, который приходил к нам ещё тогда, когда была просто маленькая религиозная группа. Сел, закинул ноги на Митину кровать и болтает, не замечая, что Митя лежит, отвернувшись, и молчит. Мама входит, спрашивает Колю: «Что ты здесь делаешь? Почему не со всеми?» А он: «А надоели мне они! Хочу с Митей поговорить!» В один прекрасный день нас с братом вызвали и потребовали объяснений, почему мы отстраняемся. Я так прямо и заявила: «Не хочу выходить за всех вас замуж! Мне тяжелы ваши регулярные приходы и то, что я вроде обязана присутствовать». Мои слова восприняли как предательство, никто не ожидал. А один парень сказал, что не понимает, когда человек сначала делает одно, а потом прямо противоположное.

Глава 2

Знаки

Тане приснился сон, будто она моет посуду и слышит грохот в комнате: вроде что-то упало. Вбегает: на полу перед диваном валяется икона Девы Марии. Стекло в рамке треснуло, а склонённый лик Девы морщится то ли от злости, то ли от боли. Настя лежит на диване под серой мохнатой шалью, вид у неё больной и усталый. «Что случилось?» – спрашивает Таня в испуге. «Разве не видишь?» – отзывается подруга. Таня решила, что Настя имеет в виду упавшую икону, и принялась горячо убеждать: «Ведь это же нехороший знак для тебя! С тобой может что-то случиться! Почему ты не прислушиваешься к знакам?» «Мне всё равно», – еле-еле шевелит губами подруга. Потом Таня вспомнила, что на Новый год собирается к родителям и вынуждена будет оставить Настю одну. Стала оправдываться: мол, едет ненадолго и 5-ого числа вернётся, тем более оставляет здесь свои вещи.

Далее снилось, будто Таня уже приехала в родной Томск и приближается к родительскому дому. Её мучает давящее предчувствие: дом наверняка изменился за время её отсутствия, что-то в нём не то! Открыла тяжёлую подъездную дверь, стала подниматься. На лестничных площадках молча стоят люди. Они собрались по поводу Таниной квартиры. На электрических щитках висит новогодняя бумажная мишура серовато-голубого цвета, в углу около лифта стоит посох и валяется борода деда Мороза.

На этаже, где Танина квартира, людей нет. Таня открыла дверь и ступила за порог. Никого не встречает. «Кто здесь собирался меня похитить?!» – крикнула Таня в глубину квартиры, не решаясь проходить дальше. Повернула голову налево, туда, где кухня: на полу стоит большой ящик, из которого торчит мамина рука. Таня посмотрела вперёд через коридор и увидела, что из зала торчат мамины ноги в чёрных брюках и носках. Ноги лежат поперёк коридора, остальная часть тела скрыта в комнате. Расчленённая мама! Таня быстро повернулась и принялась судорожно дёргать и тащить на себя дверь, но дверь притягивалась обратно и не открывалась.

Тогда Таня решила проснуться: зажмурившись, потрясла головой, выталкивая себя на поверхность. Вот уже видит комнату, но физическое тело всё ещё тяжёлое, и жуткий сон пока близко. Необходимо проснуться окончательно и перевернуться со спины на бок, чтобы сон больше не возвращался. В темноте крутится серое мутное нечто, похожее на кокон. Таня с трудом подняла левую руку, согнула пальцы в виде когтей и медленно замахала, отгоняя страшное нечто.

Когда полностью проснулась, страх улетучился. Прокрутила сон в голове и поняла, что он не закончен: надо вернуться к Насте. Настроившись увидеть Отоковскую квартиру вместо кошмарного родительского дома, Таня повторно уснула. Если опять увидит кошмар, то зажмурится и вновь убежит в реальность: слава богу, умеет это делать!

Приснилось, будто в Отоке военное положение. Таня бежит, стараясь держаться подальше от горящих домов, но огонь притягивает. Дома рушатся, и вниз падают пылающие обломки. Наконец, Таня выбралась на более-менее безопасное широкое место. В том же направлении, что и она, бегут остальные. Где-то позади – танки, солдаты в фашистских касках и с автоматами. Но, может, они вовсе не позади, а как раз впереди, куда все ломятся! Таня сомневается, правильно ли выбрала направление.

Низко над землёй висают два военных вертолёта. Непонятно, вражеские они или «свои». Хотя не бомбят. Тот вертолёт, который справа, до отказа заполнен людьми, в кабине

пилоты. А тот, который слева, пустой. Таня сначала решила забраться в пустой, но вдруг подумала, что всё-таки он тоже занят – детьми, – просто дети маленькие, и с земли их не видно.

Таня хочет попасть домой, забрать вещи и предупредить Настю о войне: пусть спрячется куда-нибудь! Около Таниного отоковского дома горит деревце, огонь может в любой момент перекинуться на дом. Таня открыла дверь: квартира совсем не такая, как раньше! Почему-то стоят стеллажи с книгами, будто жилое помещение решили переоборудовать в библиотеку. Две незнакомые полные девушки удивлённо косятся на Таню, которая бесцеремонно всё оглядывает и ворошит. «Здесь должна быть Настя! – заявляет Таня громко. – Где она?» Девушки отвечают: «Настя ушла на поклон к школе. Мы не виноваты, она сама». «Но ведь в школе опасно! – кричит Таня. – Там вражеский штаб! Почему вы её не предупредили?»

Стала в отчаянии метаться по квартире: где же все вещи? Надо срочно собрать сумку и бежать спасать Настю! «Где мои вещи?!» – вновь накинулась на девушек. «Их вывезли. Осталось только это», – одна из девушек показывает на стол. На столе лежит сотовый со светящимся голубым экраном, будто только что получено сообщение. Сотовый переполнен эсэмэсками, но все рекламного содержания: выиграй ноутбук или «мерседес», получи миллион и так далее. Нужно немедленно удалять эсэмэски, освобождать память, ведь, вполне вероятно, Настя давно уже послала Тане сообщение, а сотовый не может его принять! Эсэмэски мучительно долго удаляются, пальцы как резиновые, слушаются с трудом, постоянно попадают не на те кнопки. Да и кнопки какие-то непонятные, незнакомые, без конца видоизменяются. С одним и тем же сообщением приходится возиться по несколько раз. И, хотя Таня не уверена, что успела всё удалить, сотовый запыхтел паровозом, сигнали о получении нового СМС. От Насти?

«Жду в башне», – чернеют буквы на экране. Не от Насти. Вероятно, Таню вызывают на допрос. Значит, вражеский штаб не в школе, а в башне, и Насте, слава богу, ничего не угрожает. «И посоветуем тебе поторопиться», – раздалось за спиной. Таня обернулась. Девушки стоят, ухмыляются и кивают головами: «Советуем поторопиться в башню, а то кое с кем кое-что случится». За окном совсем близко горит дерево. Таня показывает и смеётся: «С вами самими может что-то случиться!»

Проснулась. Рядом на диване лежит, укутавшись в ватное одеяло, Настя. Таня достала из-под подушки сотовый: спать ещё три часа. В темноте напротив – входная дверь. Почему-то подумалось, что прямо сейчас можно было бы одеться и отправиться к башне. Представила: вот ворочает ключом в замочной скважине – тихонечко, чтобы не разбудить Настю. Выходит в холодный тёмный подъезд, потом – на заснеженную улицу под одинокий фонарь, вот бредёт вдоль дороги. Ночь, мрак, редкие подозрительные прохожие. В лицо дует колючий ветер. А впереди ещё – длинная пустынная дорога через Нулевой проспект. У Тани боязливо замирает сердце. А ведь она даже сделала едва уловимое движение ногами, вроде собираясь слезть с дивана. Нет, что за глупости! Не пешком же! И не ночью!

Безусловно, надо съездить к башне, например в субботу. И найти женщину – бывшего кардиолога. Конечно, вовсе не факт, что именно она отправила СМС. Но всё равно надо её найти – это хороший предлог для посещения башни, будет, что сказать охраннику: мол, мне надо к Лидии Сергеевне! А как только проникнет в башню, сразу оглядится и постарается что-нибудь для себя выяснить. *Тот, кто ждёт*, наверняка там! Хотя, может, и не там...

С охранником понятно! А что сказать самой Лидии Сергеевне? Надо придумать приличный повод, ни в коем случае не заявлять в лоб: «Я та самая, которая звонила вам по поводу эсэмэски!» Ага, а теперь явилась к вам лично, чтобы задолбать вас окончательно. Так я точно настрою против себя! Ещё охранника позовёт, чтобы прогнал меня в шею. Надо что-то такое сообразить... приличное... Например: «Вам велено передать письмо!» А потом вроде как выяснится, что ошиблась фамилией, и письмо не для неё... Или передать квитанцию за коммунальные услуги, которую будто бы по ошибке бросили в мой почтовый ящик...

Утром Таня рассказала Насте сон, только о башне умолчала. Хотелось подчеркнуть, что подруга приснилась больная, икона упала, в Отоке война. Только зачем Таня старается описывать всё это? Разве её тайное желание – чтобы подруга передумала оставаться в Отоке и вернуться домой? Странно! Таня не очень понимает саму себя.

Вечером между девушками случился жаркий разговор. По телевизору была передача, в которой наглядно объясняли, что почти все продукты, которые мы покупаем, ненатуральные: в них добавляют химические вещества, чтобы продукты имели презентабельный вид и не портились. Даже курага ненастоящая, потому что, если просто засушить абрикосы, они не будут столь сочными и яркими. Фарш для пельменей делается из низкосортного мяса: когтей, жил и шкуры животных. А сосиски – вообще не мясо: консистенцию им придают пивные отходы, а вкус и цвет достигается с помощью химии.

– Ой, а я не знала! Значит, сосиски вредные? – растерялась Настя.

– Я не верю! – заявила Таня. – Сосиски сосискам рознь! И вообще, надо доверять своим ощущениям: нравится пища или нет. Ощущения – единственно верный источник информации! А то, что говорят, – пропаганда! И те, кто рекламирует сосиски, и те, кто их ругает, просто крикуны, стараются что-то кому-то навязать, а значит, искажают истину.

Настя хотела возразить, но Таня продолжала:

– Нас всё время учат полагаться на внешнее: чьи-то слова, чьи-то доказательства. Будто народ – стадо баранов! Будто человек настолько туп, что не способен отличить тошноту от удовольствия, вкусно ему или нет.

– Танюш, но ведь вкусно чаще всего как раз то, что вредно, – вмешалась Настя. – Я, например, обожаю шоколад, но от него у меня аллергия. И мучное люблю, но знаю, что, если наемся булочек, будут проблемы.

– Настя! – нетерпеливо воскликнула Таня. – Я о том, что надо учиться прислушиваться к самому себе, а не развешивать уши, чтобы кому-то было удобнее лапшу на них складывать! Если ты любишь шоколад, то ешь, сколько хочешь, но при этом отслеживай чувства. Вряд ли, если начнёшь вредить телу, оно будет испытывать удовольствие! Когда я в своё время усиленно объедалась, ничего приятного не испытывала – прекрасно помню! Зачем люди добровольно становятся рабами чьих-то идей? Нам с детства внушают: это полезно, а это вредно. Но действительность текучая и разнообразная, и если что-то полезно для одного, то другому то же самое может навредить. Разве ты не согласна? Ну, с тем, что надо слушать своё тело. Хотя людей, конечно, тоже слушать надо, но поступающую информацию сопоставлять с внутренними ощущениями.

– По этому поводу есть анекдот! – улыбнулась Настя. – Путешественник попал к индейцам. Внутренний голос говорит ему: «Подойди к вождю племени и плюнь ему в лицо!» «Да ты что? Так нельзя!» – удивился путешественник. «Но я же твой внутренний голос!» Ладно, путешественник подошёл и плюнул вождю в лицо. «Ой, что сейчас будет!» – захихикал внутренний голос. А если серьёзно, Танюш, ощущения – тонкая и противоречивая сфера. Как в них разобраться? Какие от тела, какие от души. Тело не имеет разума и чаще всего стремится к сиюминутным наслаждениям. А человеческая душа – потёмки.

Таня внимательно посмотрела на подругу: в чём-то она права! Жители Центрального Отока в самом деле наполовину погружены во тьму. Разве эти люди догадываются, на какие поступки способны, стоит пробудиться их «второй половинке»? Вспомнился острый холодный блеск потусторонних глаз, открывшихся на затылке молодой женщины в автобусе. И почему-то вспомнился притихший ребёнок, как он висел на папиной руке; с серой пушистой шапки свисали заячьи ушки, а личико было серьёзное.

– Человек всё-таки грешен, – продолжала Настя, – и его греховность стремится взять верх, руководить поступками... иногда под видом добродетели. Мне кажется, как раз Библия

и помогает разобраться! Там уже прописаны все законы, что такое хорошо и что плохо. И если смятение в душе, то лучшее лекарство – заглянуть в Библию.

– Библию писали люди, – возразила Таня. – К тому же она переведённая, и ещё неизвестно, насколько точно. Например, слово «ненавидеть». В Библии сказано, что нужно возненавидеть отца и мать. Тебе не кажется, что перевод не вполне удачен?

– Для этого нужны священники, которые растолковывают.

– Вот мне, например, внутренний голос говорит, что обязательно надо разгадать тайну СМС! – внезапно призналась Таня.

– А разве ты уже не разгадала? – осторожно напомнила Настя. – Ты рассказывала про женщину. Она отрицает, что писала тебе. Танюсик, по-моему, очевидно, что произошла ошибка! Возможно, номер перепутали. Я, например, однажды получила СМС, – Настя засмеялась, – «Ты настоящий мужик, приезжай к нам снова!» А ещё помню, мне звонили из другого города и спрашивали какого-то «Костяна». Всего в одной цифре ошиблись, когда номер набирали.

– Это понятно!.. Мне вот даже сон приснился...

– Который ты мне рассказывала?

– Да. Но там был ещё один момент. Будто я получила СМС: «Жду в башне». Думаю, действительно нужно туда съездить!

– Куда? – насторожилась Настя. – Что ещё за башня?

– Одна из достопримечательностей Отока, я рассказывала. В башне спит губернаторская жена. И там бывает та самая женщина! Ну, которая отрицает, что отправляла мне СМС. Я видела, как она заходила в башню!

Настин взгляд не переставал выражать недоверие. А между Таниными мыслями вдруг проскользнуло: точно ли единожды замеченное посещение башни означает, что человек посещает башню регулярно? Даже если этот человек «работает на губернатора».

– Ничего не понимаю! – лоб подруги сморщился от напряжения. – Ты за ней следила?

– Да! Столько тебе, оказывается, не рассказывала...

– Но зачем? Зачем слезка? Зачем в башню? Ведь эта женщина уже сказала, что не писала СМС!

– Даже если и так (в чём я сомневаюсь). Всё равно! Я чувствую, что стоит поговорить с ней лично.

– Таня, ты извини, но всё это выглядит... – подруга замялась.

– Как одержимость? – подсказала Таня.

Настя кивнула.

– Честно говоря, я начинаю опасаться за тебя, Танюсик! Как бы с тобой чего не случилось!

– А почему со мной должно что-то случиться?

Таня удивилась, ведь это по поводу Насти у неё совсем недавно были нехорошие предчувствия, а вышло наоборот: Настя боится за неё.

– Нравится тебе лазить по всяким сомнительным местам, подвалам, старым башням. Там может быть опасно!

– Гм! Странные у тебя ассоциации с башней, – усмехнулась Таня. – Это вполне приличное здание рядом с людной улицей. Там Отоковский архив.

– Извини, я сразу не поняла. Расскажи подробнее про слезку! И как ты узнала женщину? Вы вроде ни разу не встречались.

Таня с удовольствием вспомнила и в красках описала случайную встречу в автобусе и своё превращение в неловкого сыщика, преследующего «синий берет».

Наступил новый день, и энтузиазм отправиться в башню поулег. Точнее, идти туда Таня не передумала, но отложила на «потом». Сейчас занимало другое. Во-первых, постоянные знакомства и общение с мужчинами. А во-вторых, хотелось расслабиться!

На работе не было ни минуты, чтобы просто посидеть: у студентов дневного отделения началась сессия, они непрерывно тянулись в двери библиотеки и выстраивались в очереди перед Таниным и Олиным столом. Снова портили настроение грубые реплики вполголоса, цоканье языком и стук ручек о кафедру. Таня бегала, опустив голову и ни на кого не глядя, – в книгохранение, к столу, в книгохранение, к столу.

В суматохе обчистили Олину сумку. Сумка стояла на стуле. Кто-то из студентов зашёл за кафедру, пока Оля бегала за книгами, пошарился и скрылся. А может, и не скрылся, а преспокойно дождался требуемых книг. Лишь в конце рабочего дня Оля обнаружила пропажу: в сумке не оказалось сотового и кошелька с полученной сегодня зарплатой – невероятно грустное совпадение!

Прочувствовав Олино горе, Таня всерьёз задумалась об увольнении. Не потому, что среди студентов – воры, а потому, что директор Ирина Александровна не проявила ни капли сочувствия к Оле, заметила лишь, что не надо оставлять вещи без присмотра, а сумку с деньгами держать в книгохранении. Вот интересно, как возможно одновременно искать литературу по требованиям и следить за всем вокруг: за своими вещами, за библиотечными, за студентами, чтобы периодику из зала не таскали и не заходили, куда не следует? Они ведь и в книгохранение иногда вламываются! Хотя, конечно, оттуда украсть что-либо значительно сложнее – в этом директор права.

Но всё равно Ирина Александровна только требует и никогда не похвалит – даже за разделители для книг, которые Таня так старательно делала, даже за каталог, который она составляет в программе Word по собственной инициативе. И никакого поощрения! Оля и Таня совмещают все возможные библиотечные должности, а получают за это копейки – и те украдены!

Во второй половине месяца привалило ещё работы. Таню подозвали к телефону: звонок из Томска. Деловой голос сообщил, что Таня должна составить отчёты, а отчётные формы она получит по электронной почте. Когда девушка открыла поступившие файлы, то схватилась за голову. Предстояло найти ответы на множество вопросов и заполнить данными несколько таблиц: сколько в вузе студентов, сколько книг закупили, какой процент литературы, полученной за такой-то промежуток времени, издан в России, сколько из них художественных книг и книг по общим и специальным дисциплинам и так далее.

Таня судорожно принялась заполнять таблицы. Достала тетрадь, в которой с самого начала отмечала все поступившие и вычёркивала убывшие книги. Боялась, что отчёты не позволят вовремя уехать к родителям. 17-ого декабря она получила разрешение на выезд в виде зелёной карточки с фотографией. Выехать собиралась числа 27-ого или 28-ого, а тут отчёты! И ещё сессия у студентов – всем приспичило в библиотеку! Директор смотрела косо на Танино намерение ехать, говорила, что лучше дождаться праздников, хотя и не возражала напрямую. Оля вступалась за Таню, обещала во время её отсутствия взять обслуживание студентов-филологов на себя.

Наконец, отчёты были готовы, и с тяжёлыми опасениями Таня показала результат директору.

– Вы знаете, что по нормам на двух студентов должна приходиться одна книга? – тон Ирины Александровны не предвещал ничего хорошего.

– Нет, я не знала, – сникла Таня.

– Мы должны укладываться в норму!

– В каком смысле? – не поняла Таня. – Я написала то количество книг, которое реально поступило.

– Пишите, что поступило больше.

– Придумывать цифры, что ли?

– Пишите, а потом разберёмся, докупим! Вы поймите, Татьяна, в интересах вуза и самой библиотеки, чтобы мы держали уровень. А то нас просто закроют! Скажут: «Что это у вас за библиотека, которая не может обеспечить студентов необходимым учебным материалом?»

– Пускай тогда больше денег выделяют на закупку книг! – парировала Таня.

– Или требуйте со студентов, чтобы бережнее с книгами обращались и возвращали вовремя! А то слишком много списывать приходится, – Ирина Александровна пододвинула к Тане распечатанные отчёты, давая понять, что разговор окончен.

Вновь пришлось садиться за таблицы. Всё-таки выкрутилась, придумала, как избежать прямого вранья: к количеству закупленных книг добавила количество подаренных, как будто их тоже купили. А подаренных (студентами, преподавателями) к концу года набралось 50 штук. Директор одобрила такой вариант отчётов, и Таня отправила их в Томск.

Чем ближе конец месяца, тем чаще сердце сжимало сладкое волнение: скоро-скоро предстоит покинуть Оток и встретиться с родными! Вновь войдёт в комнату, где прожила много лет, где мечтала, плакала тайком у окна и тайком танцевала под музыку с магнитофона. Там стоит Танина кровать, заправленная ярко-синим бархатным покрывалом, сильно потёртым за долгие годы; к покрывалу прилипало большое количество кошачьей шерсти, и Таня каждую неделю собирала её влажной тряпкой. Как там кот Федя? Скучает или забыл уже? Скоро-скоро твоя бывшая хозяйка вновь погладит тебя по короткой пятнистой шёрстке, и ты заурчишь на коленях, расправляя коготки и невольно царапаясь.

Но вместе с предвкушением из глубины души поднималось ещё одно чувство – смутное и липучее, как вата. Таня впервые осознала его, когда... не очень обрадовалась разрешению на выезд. Вернее, обрадовалась, конечно, только не так, как ожидала. Она-то думала, что получить разрешение – всё равно что обрести свободу! Зелёная карточка должна была убедить: Оток – город как город, никто не собирается превращать его жителей в заключённых, и Таня не преступница и может перемещаться по стране куда угодно и жить как хочет. «Вот свалится гора с плеч, когда дадут разрешение!» – надеялась девушка. Но гора не свалилась. Оток словно держит на невидимом поводке, причём поводок короткий, и натяжение станет мучительным, если Таня уволится и уедет навсегда. Оказывается, нет необходимости насильно удерживать Таню в городе! Она сама чувствует обязательства перед Отоком, правда, пока не понимает, какие именно.

А может, все эти чувства просто игра воображения и не существует никакого «невидимого поводка»? Так или иначе, но некая магия между Таней и Отоком явно присутствует. Вот и знакомства с мужчинами стали... странными.

Таня ждала звонка от Сергея. Они ещё не встречались, лишь однажды говорили по телефону. Сегодня Сергей позвонил вновь, но сразу по каким-то причинам прервал разговор, обещая перезвонить через полчаса. Таня в волнении не находила себе места: села на табуретку, поднялась, села на диван, взяла альбом с репродукциями и принялась машинально перелистывать. Сергей успел понравиться, несмотря на то, что женат и работает шофёром. На заработанные деньги купил жильё в деревне и машину. С женой собирается развестись. Понравился его спокойный голос по телефону.

Грянул звонок!

– Ало, привет! Это Илья. Помнишь меня?

– Помню, конечно, – отозвалась Таня и поджала губы, с напряжением уставившись на часовые стрелки. – Зачем звонишь?

– А почему ты ответила: «Конечно»? – игнорируя вопрос, поинтересовался Илья. – Я такой запоминающийся мужчина?

– Ну да, запоминающийся. Не каждый ведь питается одними фруктами, – Таня вынужденно продолжала беседу, но говорила почти скороговоркой бесцветным голосом. – Почему звонишь? Мы вроде договорились больше не общаться.

– Видимо, я запоминающийся в отрицательном смысле, – констатировал Илья. – Ты не рада моему звонку.

– Илья, просто ты не вовремя, я...

– Извини за критику в тот раз! Я не хотел тебя обидеть, говорил, что думал...

– Да-да, и я с тобой частично согласилась!

– Я теперь не живу в Шагаево. Переселился в Оток, снимаю квартиру на улице Фрунзе.

– А... А что так?

– Депрессия у меня.

– Слушай, давай ты попозже позвонишь, часа через полтора, ладно? Я жду звонок из другого города!

– Я ведь уйду в бессрочное голодание, – проговорил Илья, и возникла неловкая пауза.

Таня прекрасно поняла намёк: по какой-то причине Илье сейчас плохо, даже собирается покончить с собой и, конечно, хочет, чтобы его пожалели, стали отговаривать, убеждали, какой он хороший и как нужен миру. Таня всё это поняла умом, но как же не хотелось брать на себя роль утешительницы, тем более сейчас, когда должен позвонить Сергей! Неприятно было, что Илья таким некрасивым способом пытается ею манипулировать. Да и, откровенно говоря, Тане было почти безразлично, покончит он с собой или нет. Если есть голова на плечах, то переключит внимание на решение своих проблем, а не на малодушное убежание в смерть. Да, скорее всего, и не пойдёт до конца! Иначе зачем бы звонил? Просто вздумал поиграть на жалости.

– Илья, ты извини, – после долгой паузы сказала Таня. – Я не хочу утешать и отговаривать. Обратись за этим к психологу.

– Всё понял, – сдавленно отозвался Илья. – Ну, прощай!

Таня сразу отправилась на кухню к подруге рассказать о телефонном разговоре. Настя сидела за кухонным столом, склонившись над учебниками и бумагами, составляла тематические планы на предстоящее учебное полугодие. Таня знала, что подруга не торопится с планами и не возражает, если её отвлекают.

– Ты думаешь, я поступила неправильно? – задала Таня волнующий вопрос.

– Тебе видней, – осторожно ответила Настя. – Мне трудно тут судить. Возможно, он действительно нуждается в помощи, а может, как ты и говоришь, просто таким способом манипулирует, чтобы его лишний раз пожалели.

– А ты бы как поступила?

– Я бы всё-таки поговорила, постаралась выяснить. Ты как чувствуешь: твоя совесть спокойна?

– Абсолютно!

– Ну... наверное, ты права, не знаю.

Донёсся звонок.

– Сергей! – обрадовалась Таня, и дыхание замерло: так внезапно и сильно подпрыгнуло сердце.

Разговор был долгий. Уже и Настя стала мелькать в поле зрения: ходила, застилала диван, косилась на подругу. В этот момент Таня решила, что обязательно нужно будет перенести телефон на кухню. А лучше сделать так, чтобы была возможность разговаривать и на кухне, и в комнате, не мешая подруге.

В разговоре с Сергеем девушка впервые дала определение слову «лидер». Ведь её всё время интересовало, лидер ли мужчина, с которым она знакомится. Сергей сказал, что мог бы быть и лидером, если потребуется, но попросил Таню объяснить, что она имеет в виду. И Таня принялась объяснять, одновременно делая открытие для самой себя. Оказывается, она хотела,

чтобы мужчина был не просто «сильным» и «уверенным в себе», но обязательно «загадочным» и немного «пугающим», как инопланетянин, чтобы притягивал, будоражил воображение и одновременно казался опасным. Почему-то было стыдно произносить это вслух, будто Таня открывала доступ к интимной зоне своей души. Поэтому девушка отделалась всего несколькими словами, ожидая, правда, что Сергей всё понял и постарается соответствовать образу «страшного принца».

– Ну что ж, буду пугать! – пообещал он.

Вновь позвонил только через две недели. Таня не ожидала звонка, а тем более того, что сегодня вечером предстоит встреча. Поэтому, вернувшись из библиотеки домой, успела как следует наесться. Настя приготовила котлеты с макаронами-рожками, а Таня купила очередные пирожные.

Дело в том, что после памятного разговора о сосисках и «внутреннем голосе» Таня задумалась над собственным питанием и, как ни странно, пришла к выводу, что ей нужно ежедневно есть пирожные, самые разные, чтобы в конце концов перепробовать каждый вид, красующийся под стеклом магазинной витрины. Около дома пирожные не продавались, и после работы Таня преодолевала небольшое расстояние пешком до гастронома, расположенного недалеко от площади Ленина.

Сколько Таня себя помнит, пирожные и торты всегда притягивали её внимание, но до сих пор, пожирая лакомства глазами в театре или магазине, она крайне редко позволяла себе съесть их по-настоящему. Например, во время антракта мама покупала в буфете напитки, а Таня стеснялась попросить заварное или кусок торта: всё-таки дорого, к тому же вроде сыта. Но и в Отоке, живя одна, Таня с сожалением проходила мимо изысканных сладостей: одно пирожное стоит, как мешок простого печенья, так, может, разумнее купить печенье?

И вот задумалась: почему ей всякий раз непременно хочется съесть любое пирожное, оказавшееся в поле зрения? Хочется, даже если к этому моменту успела набить желудок чем-нибудь иным! Разве такая реакция адекватна? И Таня предположила, что на уровне подсознания она считает пирожные запретным плодом, а запретное всегда манит. И если продолжать запрещать, то напряжение только усилится.

Вспомнилась и первоначальная причина: в детстве родители никогда не давали деньги на карманные расходы. Наверное, им и в голову не приходило, что можно давать, а Тане в голову не приходило, что можно попросить. Когда во втором классе её вместе с продлённой группой водили в кино, одноклассники толкались возле буфета и покупали булочки, «корзинки» или заварные, а потом ели за просмотром фильма. А Таня завидовала. Вот с тех пор в голове и закрепилось, что пирожные – запретный плод.

Теперь же девушка решила расслабиться и впредь не отказывать себе в удовольствии. Пусть подсознание перепрограммируется! Пусть придёт убеждение, что Таня в любой момент, если захочет, может купить и съесть какое угодно лакомство!

Вот и наелась! Да так, что живот стал заметно торчать. И в этот момент позвонил Сергей и пригласил встретиться: мол, он стоит сейчас на остановке «Кондитерская фабрика», совсем рядом с Таниным домом. Таня вспыхнула, приложила руку к животу, суетливо завертела головой, глядя то на часы на экране сотового, то на занавешенное окно. Что ж он так не вовремя! Перед свиданиями Таня никогда не ест! Но потом подумала, что в темноте торчащий живот всё равно не видно, тем более под пальто, и согласилась. Стала быстро собираться.

– Возьми телефон! – предостерегла подруга. – И дай на всякий случай номер этого Сергея!

Таня выбежала в темноту улицы и зашагала в сторону парка, возле которого находится кондитерская фабрика. Невысокий паренёк стоял рядом с автомобилем и курил. Поздоровались. У Сергея карие улыбчивые глаза, отражающие мягкий переливчатый свет.

– Может, сядем в машину? Холодно ведь, – предложил он.

– Нет, в машину не сяду! – решительно возразила Таня. – Вдруг увезёшь непонятно куда! Я же тебя толком не знаю.

– Страшно? – усмехнулся Сергей. – Правильно! Ты же любишь бояться.

Тане не понравилось, что он играет напрямик, нетактично напоминая об откровенном разговоре. Они потоптались на остановке, выслушали друг от друга «последние новости», и Сергей вернулся к предложению:

– Будем общаться на морозе? В машине тепло...

– Ладно, – согласилась девушка. – Только никуда не поедем, просто посидим!

– Хорошо-хорошо, посидим! – обрадовался Сергей, открывая дверь машины. – А то я задубел стоять уже. Почему ты садишься сзади?

– Ой! – смущённо улыбнулась девушка, отпуская дверную ручку. – Привыкла! Никогда не сидела спереди.

В салоне уютно, Таня скинула пальто. Кресло глубокое, так что колени торчат кверху. Ах, если бы додумалась красиво одеться! Тогда не была бы сейчас в чёрной длинной юбке и свитере, который нуждается в стирке!

Принялась разглядывать детали машины и спрашивать Сергея об их назначении. Через несколько минут Сергей попытался вновь прогнать свою линию:

– Давай прокатимся! Не волнуйся: я верну тебя домой в целости и сохранности, довезу до подъезда! Хотя нет, немножко всё-таки волнуйся, мало ли что, – он прищурился и покосился на Таню, улыбаясь уголками губ.

– Прокатиться... – Таня задумалась и не сдержала широкой улыбки. – Ну, давай... Только недалеко!

Поехали. За окнами в темноте едва белел снег, позади сугробов разноцветно горели окна деревянных домов. Прямо под машину, чтобы пересечь улицу, двигался чёрный силуэт женщины, но, сделав пару шагов, она дёрнулась назад. Сергей негромко выругался.

Через пару минут езды вокруг сделалось совершенно темно: справа и слева лишь снег и пустота. Машина уверенно двигалась вперёд, вытянув перед собой, как руку, широкую резкую полосу света. А за чертой света совсем ничего не видно.

– Где мы? – забеспокоилась Таня.

– Уже боишься? – вкрадчиво осведомился Сергей, глядя прямо перед собой и не оборачиваясь на девушку.

– Куда ты меня везёшь?!

Сердце забилось, как кролик в клетке, и одновременно в грудь словно влилось слишком много воздуха, переполнив Таню восторгом и любопытством.

– Сейчас завезу в какой-нибудь тёмный угол, – продолжал игриво запугивать Сергей.

И действительно, повернул и упёрся носом в снежную стену. Жёлто-оранжевая световая «рука» грубо выхватила кусок белизны и крепко сжала прямо перед лобовым стеклом. А больше ничего здесь нет. Разве что падают колючие снежные искорки.

– Видишь, какой я страшный.

– Давай поедем лучше! Где мы? За городом, что ли? Надеюсь, ты не повезёшь меня в свою деревню! Ну, давай уже дальше поедем! – клянчила Таня, трясаясь всем телом. – Я ведь реально боюсь!

– Сейчас будет ещё страшнее!

Сергей развернул машину и через некоторое время оказался на прямой длинной дороге со склонёнными вдоль неё шеями фонарных столбов. Таня облегчённо вздохнула и стала ожидать, что вот сейчас возникнут дома и здания, возможно, площадь Ленина и выяснится, что они в центре-два. Но картина за окнами не менялась: дорога стрелой упиралась во мрак, никаких ответвлений ни вправо, ни влево, по бокам сугробы да сугробы. Одновременно с догадкой в сознание вполз холодок, кожу сжали мурашки – это несмотря на тепло в машине, нагнетаемое

печкой. Сергей ехал молча и серьёзно: казалось, он сам желал поскорее проскочить мрачную дорогу.

– Нулевой проспект? – уточнила Таня.

– Конечно! – он улыбнулся, показав мелкие с чернотой зубы. – Я предупреждал!

– О чём предупреждал? Мы не договаривались ехать далеко! Скорее поворачивай назад!

– Разве тебе неинтересно, что будет дальше?

– Я боюсь! Меня в буквальном смысле трясёт! – пожаловалась Таня, клацая зубами и сжимая между коленями холодные руки.

Сергей кивал и неопределённо улыбался. Вот уже показалась одинокая сплюснутая в ширину сосна. Ехали по улице Красной мимо переулка, где Полинин дом, мимо маленького углового здания с зарешеченными дверью и окнами и с ярко-жёлтой надписью: «Продаю». Повернули и ещё раз повернули.

Внезапно Таня узнала небольшое старинное кирпичное здание. Его примета – резкий ряд наличников над окнами второго этажа. Наличники похожи на солдатские шапки или рыцарские шлемы; сходство со шлемами подчёркивают узкие полуколонны, сжимающие каждое окно с двух сторон. «Дом для заблудившихся воинов», – когда-то, глядя на здание, фантазировала Таня.

Но где же они? Сергей стал выруливать в чёрный переулок, и только теперь Таня всё поняла!

– Куда мы едем? – спросила тихо, ища в темноте очертания башни.

– К башне с привидениями и вампирами! Слышала про башню? Вон она! Там над умершими проводят опыты – это достоверный факт, в газетах писали! После опытов трупы оживают и... набрасываются на людей! – прокричал скрипучим голосом, повернув оскаленную физиономию.

Несмотря на то, что он переигрывал, Таня от страха лишилась дара речи. Распахнула глаза и чувствовала пластилиновую бесконтрольную слабость в коленях. Машина медленно катилась по переулку, похрустывая снегом под колёсами. Чёрная масса башни высилась над сугробами. Наверху в глубине арочного окна слабо горел свет. Полукруглую дверь освещал фонарь, и ещё один приоткрывал тьму у дороги чуть позади башни, где перемигивались огоньки домов.

Сергей остановился и выключил мотор.

– Правда, странно? – негромко сказала Таня, оправившись от ступора, и кивнула вперёд. – Так поздно, а в башне кто-то работает, свет в окне.

– Как ты думаешь, кто там? – также полушёпотом произнёс Сергей.

– Ты тоже не знаешь, – покосилась Таня.

– Я-то знаю! Там мертвецы. Очень страшно?

– Честно говоря, очень! Может, поедем уже назад? Сколько времени? Настя может начать волноваться.

Сергей достал сотовый:

– Ещё нет двенадцати. Ты ведь обещала вернуться до двенадцати? Так что пока для твоей подруги не пришло время беспокоиться!

– Ты намекаешь, что это время придёт? – шутливо поинтересовалась Таня.

– Вполне возможно... Я выйду, покурю, не возражаешь?

– Кури.

Девушка осталась в машине. Вглядываясь во тьму вокруг башни, заметила человека вблизи ограды. Охранник, что ли? Человек как-то странно стоит: одной рукой держится за ограду, а другую выставил в сторону, согнув в локте и опустив вниз предплечье. И вроде предплечьем ещё и помахивает! Подзывает Таню? Тот самый, который послал эсэмэску!

Сергей открыл дверь, уселся.

– Ты видел? Там кто-то стоит! – Таня показала пальцем.

Сергей молча пошарил глазами.

– Стоит, стоит, – улыбнулся он.

– Ты видишь? – засомневалась Таня.

– Возле башни, что ли? Давай ближе подъедем!

– Нет! Не надо! – закричала, заскулила Таня, но машина тронулась.

– Ой... – растерянно улыбнулась девушка. – Это не человек. Оказывается, это дерево!

Надо же, так реалистично показалось! Мне даже мерещилась его мимика! Со мной наяву такое никогда не случалось, разве что в полусне. Ещё помню в детстве: в темноте вместо ведер на стиральной машине мерещились головы чудовищ. Слушай, поехали отсюда! – Таня посмотрела на расплывчатый красный огонёк возле двери башни. – На нас наверняка смотрят видеокамеры, а мы ведём себя очень подозрительно.

Сергей поехал, но не назад, а к огням за башней.

– Ты куда?

– Ты ведь меня не знаешь, я маньяк.

– Хватит пугать, ну пожалуйста! Куда ты едешь?

Машина встала перед сугробом. Сергей отодвинул своё кресло назад и полез целоваться.

– Не на-адо! – прохныкала Таня, выставив перед собой руки.

– Почему?

– Как-то сразу... Вези меня лучше домой, Настя будет волноваться!

– У нас ещё есть время, – он снова полез на неё.

Пришлось целоваться. Если бы знала, разве надела бы этот свитер? Даже дезодорантом не побрызгалась!

Таня улыбалась, отворачивалась и продолжала вежливо отпихивать настырного парня. Сергей сделал ещё пару вялых попыток и отстранился, откинувшись на сиденье. Он выглядел усталым: всё-таки конец рабочего дня, поздно, пора бы спать ложиться.

– Ну, поехали? – придвинул кресло, пристегнулся.

Таня уныло смотрела в окно. Уже не страшно и неинтересно, очарование разрушилось. Зачем было лезть с поцелуями? Тем более в машине, где неудобно, всё мешает, и ещё свитер грязный, и ещё наелась! Да и Сергею не очень-то хотелось, не пылал страстью. Зачем тогда полез? А Таня почему не давала решительный отпор? Поначалу даже поддавалась и кокетливо улыбалась. Ведь тоже не хотела, даже неприятно было!

А прогулка получилась замечательная – до этого самого момента! Пугал Сергей здорово! Жаль, его внешность почти перестала казаться привлекательной, даже глаза не так темны и глубоки, как виделось вначале, – просто карие, похожи на блюдца, – а лицо белое и немного морщинистое, помятое.

Но симпатия не исчезла. Таня спрашивала про жену, маленького ребёнка, интересовалась, почему ищет связь на стороне. Сергей отвечал немногословно: нет, не ругаются (он вообще не любитель криков и скандалов), просто прохладные отношения, как между чужими.

Нулевой проспект проскочили быстро, девушка даже не успела что-либо почувствовать. У подъезда Сергей остановился, Таня застегнула пальто.

– Мне очень понравилась прогулка, – сказала она. – Спасибо! А ты во мне не разочаровался?

– Ты симпатичная!

– Нос большой.

– В самый раз! Целоваться не мешает.

Улыбаясь, Таня вошла в подъезд. А когда легла в постель, задумалась о странностях встречи. Почему Сергею взбрело в голову везти Таню именно к башне? Почему около башни явственно померещился человек, подзывающий к себе? И, хотя он оказался всего лишь дере-

вом, это не значило, что его и правда не было! Что ещё странно: прогулка с Сергеем произошла всего через несколько дней после встречи с другим парнем, который невольно напомнил опять-таки о башне!

Этого парня зовут Павлом. Он звонит каждую неделю в выходной, чтобы пригласить на очередное свидание. Ничем явным не отталкивает. Да и чем отталкивать? Высокий, вполне симпатичный, хотя ресницы слишком черны, густы и слишком загнуты вверх. Спокойный, не курит, не пьёт. Но с ним почему-то скучно.

В первую встречу повёл в музей. Причём взял под руку, и они вышагивали по улице, как чинная пара. Почти ни о чём не разговаривали.

Дверь в маленькое кирпичное здание музея была заперта.

– Написано: сегодня рабочий день, – недоумевал Павел, изучая расписание. – И по времени сейчас не обед.

Постучал, потом позвонил, несколько раз нажав на кнопку. Собрались уже уходить, как вдруг дверь открылась.

– Что вам? – спросила женщина.

– Мы в музей, посетители.

Женщина кашлянула и посторонилась.

– Входите! Свет сейчас включим. Мы экономим электричество, пока никого нет. Раздевайтесь здесь.

В помещении было сумрачно и холодно – Таня почувствовала это ещё до того, как сняла пальто. За столиком сидели две женщины, пили чай и косились на пришедших. Загорелся свет в первом зале – маленьком, начинающемся слева. В ряд стоят высокие стеклянные витрины. Потом зажглась лампочка где-то впереди, осветив узенький коридорчик. Таня припала к витрине: лежат орудия труда древних людей, на табличках длинные пояснения.

Павел ушёл уже в следующий зал, а Таня изучала только вторую витрину. Решив не отставать, напрямик направилась к Павлу, игнорируя всё, что не успела рассмотреть. Во втором зале были расставлены чучела животных и птиц: кто на зелёной подстилке, кто на засушенной коряге, застыли в разных позах волки, зайцы, лисицы и соколы, как будто смотрели один на другого, охотились, рычали. Но у всех слепые стеклянные глаза и пыльная клочковатая шерсть. Глядя на волка, Таня поразились его огромным размерам: он был больше любой собаки! И удивилась мелким габаритам лисицы. На картинках её изображают более роскошной, а тут худая тусклая полукрыса, полукошка.

Третий зал был посвящён Великой Отечественной войне и участию в ней города Отока. На стенах под стеклом висели чёрно-белые расплывчатые фотографии солдат и медсестёр, зданий и улиц. На столиках лежали рукописные пожелтевшие письма, помятая каска, гильза, автомат, медали.

Вышли с Павлом на белый свет, прошли под ручку до остановки и расстались. Через неделю он позвал к себе домой. Его дом на окраине на Передовой горе. Проехали пару остановок на трамвае. Трамвай вёз медленно, слегка потряхивая, и звякал на остановках. Павел стоял близко – высокий, прямой, аккуратно одетый – и улыбался, когда смотрел на Таню. А Таня почувствовала запах у него изо рта, и ей стало неприятно.

Живёт он в новой пятиэтажке с балконами из красных и серых кирпичей, сложенных в шахматном порядке. По пути заглянули в магазинчик, и Павел купил мелкое немного подгорелое песочное печенье в подложке.

Квартира чистая, прибранная, в зале включен телевизор, на диване сидят Павловы родители. Папа приподнялся, поздоровался. Прошли по коридору в комнату. Сквозь широкое окно проникает много зимнего света. Свет равномерно заполняет пространство, отражаясь в обоях мягкого зеленоватого тона и в новом светло-коричневом ковре. Идеальный порядок. Стол напротив окна, диван сбоку. Тикают тяжёлые настенные часы.

Таня села на диван, а Павел пошёл на кухню готовить чай. Через пять минут осторожно вплыл с подносом, на котором дымились две чашки, поблёскивали ложечки, погружённые в чай, и была раскрыта подложка с печеньем. Поставив поднос на стол, Павел отправился за сахарницей. Принёс наполненную искристо-белыми сахарными кубиками.

Таня внимательно наблюдала за Павлом, как он ходит туда-сюда, и внезапно её мирное, плавно текущее настроение изменилось, даже в комнате потемнело! Хотя что могло случиться здесь, на окраине, тем более рядом с таким человеком, как Павел? Почудилось? Таня отвела взгляд и вновь покосилась на парня. У него на затылке мутное пятно, похожее на кусок тумана. Если не смотреть прямо, то туман движется и виден острый нос и бугор щеки. Потустороннее лицо. Глаза узкие, как у бурята, то ли закрыты, то ли щурятся. Показалось: в чёрных щёлочках вспыхнул свет! А потом снова вместо лица подвижное серое пятно.

– Чай сильно горячий. Давайте пока посмотрим фотографии! Хотите? – Павел замер перед полкой в ожидании ответа.

– Да-да! Давайте посмотрим.

Он взял в руки большой тяжёлый альбом с картонными листами.

– Слушайте! – Таня фыркнула, будто собралась рассказать анекдот. – А что это ваш затылок на меня косится? Я ему не нравлюсь?

Придерживая альбом одной рукой, Павел слегка отвернулся и кашлянул в ладонь, потом быстро пригладил волосы.

– Вот... фотографии, – помедлив, он присел рядом и открыл первую страницу: в прорези вставлены чёрно-белые снимки.

– Паша, я правда видела! – краснея и улыбаясь, настаивала девушка. – Я вас боюсь!

– Таня, дорогая, что вам во мне не понравилось? Не пойму никак! – он снова погладил затылок и обратился к девушке. – Ну вот, смотрите!

Тёмные густые волосы лежат ровно, на шее аккуратно сбриты, в них разве что пара крупинок перхоти, но никакого мутного пятна и тем более суженных глаз.

– Всё в порядке с затылком, – проговорила девушка. – Тем более вы житель Окраины.

В этот момент Павел прочистил горло, а Таня продолжила:

– Померещилось! Голова сегодня побаливает, наверное, поэтому.

Павел легонько постучал по фотографии и стал рассказывать о тех, кто на ней изображён. Но Таня перебила. Ей было неловко за себя, и она желала замять ситуацию.

– Вы считайте, что это была шутка! Ну, вроде игры в страшилки.

– Хорошо, я так и буду считать. Это мой брат!

На снимке крупным планом два парня очень похожих между собой, только один старше, шире и у него на голове офицерская фуражка. На другом снимке этот же парень с гитарой. А вот он демонстрирует обложку книги. Таня пригляделась, но вовсе не к книге, а к постеру за спиной Павлова брата! Неужели на постере знакомая башня?!

– Ой, это же башня, в которой архив? – уточнила девушка.

– Не знаю. В какой башне архив?

– Башня в переулке Красного Пожарника, в Центре. Здесь на плакате, кажется, она и есть!

– Брат прислал это фото из другого города. Хотел показать, что ему удалось достать книгу, о которой мечтал. На плакате не может быть Оток! Тем более, смотрите, тут горы. По моему, это изображение какой-то заграничной достопримечательности или вообще вымысел художника. Ведь это, возможно, картина.

– А что за книга? – Таня и сама поняла уже, что башня незнакомая, хотя волнение не утихло.

– Не помню названия. Что там написано? «Приглашение на казнь». Не читал такую.

– А я читала! В универе проходили, Набоков написал.

Таня удивилась, как фотография в альбоме Павла похожа на знак от Духа! Во-первых, башня. Во-вторых, «приглашение», а в недавнем сне её как раз приглашали, звали в башню. На что намекает зловещее «на казнь»? Хорошо бы поговорить с Полиной...

Вчера, встречаясь на йоге, Тане так и не удалось рассказать сон, а два предыдущих занятия в среду и субботу, когда воспоминания о сне были свежими, Полина пропустила. Дело в том, что второго декабря у её дочери Лены родился ребёнок, мальчик. Лена плохо себя чувствовала, у неё была высокая температура, и Полина часто ездила к ней нянчиться с малышом и помогать по хозяйству. Пообщаться с Полиной почти не удавалось.

Однажды, до рождения внука, когда Таня ещё часто обижалась на Полину за недостаток внимания, та пригласила её прогуляться перед занятием по йоге. Пожалуй, только теперь девушка понимает, что это был подарок дружбы: Полина хотела показать, как много Таня для неё значит. Но в тот момент Таня не оценила! Даже чувствовала лёгкое недовольство: Полина, видите ли, постоянно занята общением с другими, а ей уделяет внимание между делом, по пути на йогу! Даже тот факт, что Полина повела в магазин, купила коробку конфет «Птичье молоко», тут же открыла и предложила угоститься, – даже это девушка не смогла оценить в полной мере! А теперь вспоминает о той ситуации с благодарностью. Тогда, в магазине, она надкусила конфету и обрадовалась:

– Коричневая начинка! Именно такие я люблю!

– Это не удивительно, – произнесла Полина. – Ведь конфеты особенные, куплены специально для тебя.

Теперь, когда Полина помогает дочери Лене, Таня не обижается за редкость общения. Поняла, что Полина никогда не убегала от дружбы, а, возможно, наоборот, это Таня препятствовала дружбе своим недовольством. И ещё девушка вдруг догадалась, что сама её тяга к необыкновенной дружбе не более чем следствие одиночества. Вот найдёт мужчину, и ещё неизвестно, сохранится ли нужда в интенсивном общении с Полиной!

Что касается Павла, то через неделю в воскресенье Таня без энтузиазма ждала его звонка. Если она скажет, что сегодня встретиться не получится, то не обманет, поскольку уже была назначена встреча – более важная. А потом Таня уезжает к родителям. Возможно, спустя такое долгое время Павел больше и не позвонит!

Впрочем, услышав в трубке его достаточно спокойную реакцию на отказ, а также приняв пожелания счастливо встретиться с родителями и приятно провести новогодние выходные, Таня осознала, что Павел позвонит в первое же воскресенье после приезда, и тогда снова придётся выкручиваться, чтобы избежать встречи. Этого не хотелось. Значит, прямо сейчас нужно действовать жёстко!

– Мне кажется, нам больше не надо встречаться, – заявила девушка.

– Почему? – сдержанно осведомился Павел.

– Мы слишком разные.

– Мне так не показалось. Мне с вами нравится. Я думал, взаимно.

– Вы хороший, симпатичный, не пьёте, не курите... аккуратный. Но вы не знаете меня! Вам нравится, чтобы всё было просто, без философствования и самокопания. Разве я не права?

– Да. Зачем копаться в себе? Надо просто жить.

– Но на самом деле я очень люблю рефлексировать! Много думаю о смысле жизни, об устройстве мироздания, например что касается загробного мира, энергий, иных измерений.

– Зачем усложнять жизнь? Я не понимаю.

– Вот я и говорю, что мы разные! Когда я с вами, то сдерживаю свой язык, а мне хочется что-нибудь обсудить. Например, свой внутренний мир, сны, чувства. Или, наоборот, ваш внутренний мир, хочется расспрашивать вас о причинах и следствиях разных ваших мыслей и поступков. Я каждый день пишу дневник. И стремлюсь к тому, чтобы люди, с которыми я общаюсь, были такими же, как я.

Таня, безусловно, преувеличивала, но делала это нарочно.

– Почему нельзя просто быть тем, кто ты есть? Зачем придумывать лишнее?

– Для вас лишнее, а для меня в этом весь интерес.

– В таком случае, мы действительно разные.

– Главное – найти родственную душу. Ну... пока?

– Пока!

Таня положила трубку и вздохнула со смешанным чувством облегчения и сожаления.

Последняя встреча с Павлом и прогулка с Сергеем на машине укрепили Таню в решении посетить башню. Если она хочет разгадать тайну, то это произойдёт, скорее всего, в башне! Заодно есть хорошая возможность проследить, как сбывается сон: вещие сны случаются так редко!

После возвращения в Оток башня – первый пункт в списке запланированных дел. А до поездки не остаётся свободного времени. Да и не хочется ставить поездку под угрозу: вдруг отберут разрешение, стоит Тане даже просто обратиться к охраннику башни? Глупые, конечно, опасения, но всё же...

Глава 3

Богатыми не рождаются

Итак, Полина дала Тане два задания: знакомиться с мужчинами и написать статью о бедных и богатых. И если знакомства продвигаются бодро и доставляют удовольствие, то со статьёй Таня испытывает трудности. С одной стороны, кажется очевидной разница между психологией богатого и бедного: богатые уверенны, решительны, а бедные сами себе строят ограничения. Но с другой стороны, что писать в статье? Банальные рассуждения? Прописные истины?

Даже опрашивая людей, разве возможно во всё это как следует вникнуть? Вот если бы Таня сама, собственными усилиями из бедности вышла к богатству, тогда, конечно, смогла бы написать интересную статью, – основанную на личном опыте! А в данной ситуации... Кому и зачем это нужно? По Таниному мнению, Полина высосала задание из пальца! А придётся выполнять, раз уж взяла на себя роль «ученицы».

Сбор материала для статьи проходит вяло: до середины декабря было лишь одно интервью – с безработным. А потом Таня познакомилась с Данилой, и информационная копилка пополнилась.

Данила, как оказалось, живёт на соседней улице. Договорились встретиться вечером возле парка с Лениным. Парк – полузаброшенное место, достопримечательность Записишного района. В его центре на постаменте – облепленный снегом белый памятник в традиционной для изображений Ленина позе: вытянутая рука широкой ладонью указывает в «светлое будущее». В сугробах протоптана узкая витиеватая тропинка, торчат голые ветки кустов и заснеженные колючие ёлки. Скамеек нет: возможно, завалены снегом, хотя Таня не помнит, чтобы и осенью, проходя тут однажды, заметила хоть одну.

Данила – полноватый мужчина с полуоткрытым ртом. Он пыхтит во время разговора и при ходьбе. Походка неуклюжая: пока вёл по тропинке через парк, угодил в сугроб и смешно выбирался, болтая валенками. Потом снова чуть не упал, повиснув ногой в воздухе, – Таня вовремя схватила за руку. «Ой-ой, какой я неловкий!» – сокрушался Данила.

За парком – кондитерская фабрика «Мишуткин двор». Краснокирпичный магазинчик, куда повёл новый знакомый, тоже называется «Мишуткин двор». Таня сразу принялась изучать цены, думала: «Раз сюда непосредственно поступает продукция фабрики, то шоколад и конфеты должны стоить дёшево». Не тут-то было! Цены высокие, как и везде. Зато продаются пирожные, правда, выбор маленький: «Лимонное», которое Таня уже пробовала, «картошка» и песочные, завёрнутые в пищевую плёнку. Данила купил песочные.

Отправились к нему домой. Живёт он в пятиэтажке на пятом этаже. В квартире шумно. Выглянула мама с намыленными руками и полная сестра, потом выскочили два мальчика и пронесли мимо. Перед порогом длинный узкий коридор, заваленный пёстрыми тряпками, распределёнными по кучам; тархтит стиральная машина. Переступая через тряпки, Данила и Таня прошли в дальний конец коридора и оказались в маленькой комнатке. Данила прикрыл дверь, стало тихо.

Бардак в комнате, наверное, следовало охарактеризовать как «творческий беспорядок», потому что это соответствует роли «непризнанного гения», которую выбрал для себя Данила. По телефону Таня узнала, что он, хоть и работает машинистом на заводе, на самом деле душой весь в шахматах, ездит на шахматные соревнования (правда, в последнее время только проигрывает) и мечтает полностью посвятить себя хобби. Но досадная реальность такова, что завод отнимает большую часть времени и сил.

Таня присела на стул перед письменным столом, Данила поспешил сдвинуть в сторону тетради и несколько старых рваных книг, заслонив прилепленную к обоям картинку улыбающейся девушки в бикини. На освободившееся пространство положил пирожные.

У Таниных ног стоит горшок с засохшим растением. Палас усыпан мусором. Дверь в комнату занавешивают свитер и штаны. Кровать изголовьем упирается в стену, где дверь, а другим концом – в высокий старый шкаф. Над кроватью висит тонкий яркий ковёр с тиграми, поверх ковра икона. Кроватное покрывало добавляет пестроты крупными коричнево-жёлтыми цветами. Боковая стенка шкафа тоже занята иконой: лик Христа спокойно взирает с календаря за позапрошлый год и чуть-чуть улыбается.

– Да-а, у тебя и иконы висят, и девушки фривольные, – усмехнулась Таня.

– Где? Ой! – смутился Данила. – Я понимаю, что грех, но ничего поделаться с собой не могу! Думаю о девушках постоянно! Но ты такая чистая, такая невинная... – он протянул ладони, словно издалека с трепетом прикасаясь.

– Почему ты решил, что я чистая? Разве ты меня знаешь?

– Ты так выглядишь. Знаешь, ты чудесная девушка! Ангел! Можно я тебя приобниму? Слегка, за плечи.

– Зачем? Ну, можно.

Подошёл и, пыхтя, обнял.

– А поцеловать в щёчку можно?

– Не надо меня целовать!

– Не буду, не буду! Извини! – отстранился. – Я так грешен! Корю, корю себя. Бог меня накажет!

– С чего ты взял, что грешен? Разве плохо мечтать о женщине?

– Плохо, это очень плохо!

– Данила, но ведь это же естественно! Тебя таким, между прочим, создал Бог!

– Плотские побуждения надо обуздывать, только у меня никак не получается. Но ты простишь меня? Простишь, что я тебя... к тебе немного приставал?

Таня прыснула.

– Я тебя и не осуждала!

– Вот и хорошо, спасибо! Ты такая... – снова протянул дрожащие пухлые ладони, проведя ими по воздуху вниз. – Милая, скромная девушка! Подожди (засуетился), я принесу чай!

Ушёл, прикрыв дверь. Вернулся с подносом и, когда выставлял полные горячие чашки и сахарницу, рассыпал по столу сахар.

– Ой-ой! Что ж я такой неловкий!

Данила тыкался боком то туда, то сюда.

– Сейчас всё уберу!

И убежал за тряпкой.

Потом пили чай. Таня развернула пирожное; как ни старалась кусать аккуратно, низко наклоняясь над столом, крошки всё равно сыпались, пирожное ведь песочное!

– Я вот решила поработать журналисткой, – после чаепития сказала Таня, вспомнив, что на этой неделе собиралась, наконец, написать статью и отдать на проверку Полине. – Пишу на тему «Бедность и богатство». Ты согласен поделиться своими мыслями? И чтобы я отразила твоё мнение в статье с указанием твоей профессии, возраста, имени (без фамилии). Имя могу изменить, если хочешь!

– А какое мнение тебя интересует? – без энтузиазма отозвался Данила.

– Вот ты любишь шахматы. А работаешь на заводе. Почему бы тебе не посвятить себя полностью шахматам? Не отвлекался бы на завод и, глядишь, перестал бы проигрывать! Ведь за победы хорошо платят?

– Я не могу продвинуться в шахматах, потому что здоровье плохое. А ещё нет в Отоке хороших учителей, некому было меня научить в своё время. Да и сил не хватает, чтобы совершенствовать игру, поскольку вынужден работать на заводе.

– А ты не работай! Уволься! – настаивала Таня, расширив сверкающие глаза.

– Завод – это деньги и стабильность! Я не могу уволиться, – нахмурился Данила. – Если бы я бросил шахматы, то на заводе зарабатывал бы больше. А так: уезжаю на соревнования, беру отпуск без содержания. А с другой стороны, если бы я разогнался в шахматах, то отпала бы необходимость работать на заводе: на соревнованиях бы зарабатывал.

– Вот видишь! Порочный круг получается. Тебе надо выбрать одно из двух, и, моё мнение, надо выбирать то, что ближе к сердцу! Мне кажется, невозможно достичь успеха и денежного благополучия на нелюбимой работе.

– Богатство не самое главное в жизни, – Данила отвернулся, выдохнув через нос. – Неинтересная тема для разговора, и так всё понятно.

– А что понятно?

– Ну что... Карма, судьба. Дети не могут достичь большего, чем их родители. Давай лучше о другом поговорим!

– Давай... Только сначала мне бы по-быстрому записать твои мысли, пока не забыла! Не дашь ручку с листочком?

– Записывай, я не против, – Данила продолжал сидеть.

– А дай мне ручку и листочек!

– А, извини! – он поднялся и стал рыться на письменном столе. – Надеюсь, ты согласна, что есть более важные вещи в жизни.

– Конечно, есть! Хотя я не очень хорошо различаю, что важнее. Всё важно! Когда у человека болит сердце, для него мир перестаёт существовать, а самым главным становится, чтобы сердце исцелилось. Он, наверное, думает, что в этом и заключается его счастье, а всё остальное – мелочи. А когда не болит, забывает, другие приоритеты появляются... Не знаю, может, неудачный пример.

– Зачем ты об этом думаешь? – Данила протянул помятый листок в клеточку и простой карандаш. – У тебя больное сердце?

– Нет.

Пока Таня писала, Данила ходил по комнате, а потом сел близко, и девушка услышала его шумное дыхание.

– Можно я вот так дотронусь? – попросил, положив ладонь на стол и коснувшись Таниной руки.

Вообще-то его близость мешала сосредоточиться, не говоря уже о том, что крайне неудобно писать, когда тебя чуть ли не тянут за локоть (лёгкие прикосновения быстро сменились более настойчивыми). Через пару минут Таня не выдержала и выразила недовольство. Данила отстранился.

Когда девушка закончила и свернула листок, Данила вновь сел вплотную.

– Ты очень привлекательная! Красавица!

Сладко улыбаясь, он взял Танины ладони в свои.

– Ой, извини!

Засопел, немного отодвинулся, расшатывая скрипучий стул, и опять приблизился.

– Ты такая скромная! Не умею я правильно вести себя со скромными девушками, пристаю!

Отошёл к окну. «Не такая уж я скромная, – хотела сказать Таня. – Можешь приставать дальше». Но промолчала: зачем портить мнение о себе? Спросила:

– У тебя когда-нибудь была постоянная девушка?

– Нет. Я никому не нравлюсь, – он жалко улыбнулся и развёл пухлыми руками. – У меня со здоровьем не всё в порядке. Как-то не везёт мне с девушками.

– Обязательно повезёт! – обнадёжила Таня. – Почему не нравишься? Мне кажется, ты вполне привлекательный.

– Полный...

– Ну и что? Не жирный ведь! Некоторым нравятся крупные мужчины. Грудь у тебя широкая, руки мускулистые. Вполне привлекательный!

– Ты правда так считаешь? – он расплылся в улыбке, тая, как земляничный торт на солнце, и, подойдя вплотную, присел на край стола. – А я тебе нравлюсь?

– Ну... н-нравиться, – Таня отодвинулась. – Только я ведь ищу мужа! А как муж ты мне всё-таки не подходишь. Тебе нужна женщина, которая будет ухаживать за тобой, как за ребёнком, которая возьмёт все домашние хлопоты на себя. А я ведь не такая! Не люблю готовить, заниматься хозяйством. Я человек творческий, хочу рисовать! Понимаешь? Краски, холсты... Как ты – в шахматы, мечтаю полностью погрузиться в рисование, чтобы ничто не отвлекало!

Таня вновь выставляла себя в преувеличенно невыгодном свете, подчёркивая собственную эксцентричность. Лишь бы не ранить мужское самолюбие!

– Главное, не падай духом и не думай, будто плохой и никому не нравишься! Ищи свою женщину и обязательно найдёшь!

– А разве мы не могли бы просто встретиться?

– Зачем?

Данила смутился, а потом внезапно протянул руки.

– Ты такая чудесная девушка! Можно я покружу тебя?

Не успела Таня возразить, как он ухватил её с двух сторон.

– Данила, не надо! Я ведь тяжёлая!

– Немножко! Ну пожалуйста! – сопел в самое ухо.

И поднял над полом, слегка согнувшись в коленях. Таня напряглась от неудобства, вцепилась в его шею, боясь выскользнуть из мягких Даниловых рук. Он мелко зашагал вокруг своей оси.

– Всё! Хватит, хватит!

Наконец, позволил ей сползти на пол.

– Я ведь не из лёгких!

– А мне показалось, лёгенькая. Посмотри, какая ты худенькая! Прямо балерина!

– Ну и сравнил! Какая из меня балерина? Я ведь не спортивная! И не такая уж худая!

Таня вдруг поймала себя на мысли, что говорит о себе слишком много отрицательного.

Пора домой. Таня убедила Данилу, что провожать не обязательно. Когда надевала пальто, выбежал маленький мальчик и стал смотреть. А потом закричал Даниле, чтобы тот что-то ему то ли дал, то ли показал.

На следующий день после работы Таня села за написание статьи, а в субботу на йоге отдала рукопись Полине. В воскресенье Полина позвонила на сотовый – в тот самый момент, когда Таня в маршрутке возвращалась домой после встречи с Павлом. Полина предложила встретиться сегодня вечером. Убирая сотовый обратно в сумку, Таня не могла удержать счастливой улыбки: наконец-то они нормально пообщаются! Тем более Тане было что рассказать: о сне и сегодняшнем «знаке» в виде фото в Павловом альбоме. Правда, радость омрачалась непрощённым волнением: что Полина скажет о статье? Таня подозревала: ничего хорошего! Особенно если вспомнить, с какой неохотой статья писалась и как при этом приходилось бороться со сном.

Словно отвечая Таниным подозрениям, Полина как-то сдержанно поприветствовала, сразу прошла в зал и села на табуретку перед диваном. Дома, кроме неё, никого нет. На краю дивана лежит полупрозрачная синяя папка-уголок с вложенными в неё рукописными листами –

статьёй. Полина сидит в отдалении, перекинув ногу на ногу. Создаётся впечатление, будто она брезгает снова прикоснуться к статье. Хотя, скорее всего, Таня накручивает от волнения.

Девушка села на диван и заговорила о Павле, поделилась подробностями встречи, потом рассказала сон. Полина молча кивала, а у Тани, чем дальше рассказывала, тем слабее было желание продолжать. С возрастающим страхом она начала догадываться, что обращённое к ней лицо Полины – это лицо тени.

– Значит, я всё-таки права? Мне действительно стоит пойти в башню, чтобы разгадать тайну СМС? Как вы думаете?

– Судя по всему, тебе так и нужно поступить, – коротко согласилась Полина.

– Но вы на самом деле так не считаете?

– Я не знаю, куда ведёт тебя твой ангел-хранитель.

– Ангел-хранитель? Разве он существует?

– У каждого человека есть ангел-хранитель. Об этом написано у Лазарева, – она поднялась с табуретки и достала из шкафа тонкую зелёную книжку. – И о многом другом интересном написано! Сейчас прочитаю... – стала листать.

– Раньше вы говорили, что ведёт Дух, – заметила Таня, равнодушно наблюдая за попытками Полины отыскать что-то в книге.

Полина медленно кивнула и сказала:

– Тяжело всё время следовать туда, куда толкает Дух. Нужно каждый миг быть готовой всё бросить и идти в неведомом направлении, но идти уверенно, будто знаешь, что тебя ждёт. Я пока не готова. Понимаешь, – она на миг закрыла глаза, – Дух как ветер, и, если ты недостаточно силён, он будет швырять и рвать тебя, словно бабочку.

Таня расслабилась: пусть Полина и дальше говорит о бабочках и ангелах-хранителях, веру в которых, если честно, Таня считает детской и наивной. Теперь Полина похожа на саму себя!

– Не могу найти... Там так хорошо написано, как раз про тебя!.. Ладно, потом найдётся! Хочешь, дам почитать? Только через неделю надо вернуть! Я обещала эту книгу одному мальчику.

– Нет, в другой раз почитаю! – отказалась Таня. – В последнее время сильно занята. К тому же знакомства... – улыбнулась.

– А почему ты не спрашиваешь про статью? – Полина кивнула на синюю папку-уголок с рукописью.

– Ну и как вам статья? – Таня изменилась в лице и сглотнула.

Полина помолчала, скосив глаза в сторону.

– Пока ты не пришла, я думала, как бы помягче сказать.

Она спокойно взглянула на девушку своими ненакрашенными синевато-серыми глазами. От этих глаз шла какая-то стальная прохлада – жутко смотреть! Вот оно – лицо тени! А вовсе не то, с которым Полина встретила и тем более с которым листала Лазарева. Теперь это было совершенно очевидно!

– Статья не то чтобы плохая, – отпечатывался Полинин голос, – она вообще никакая! Пустой набор слов. Я вижу «рыбу», я не вижу «вихрь»! Ты ли это? Разве ты никогда не писала писем или школьных сочинений? Тебя не учили излагать мысли в словах? Честно говоря, прочитав это (кивок на листы), я была удивлена и разочарована!

– Вообще-то я не журналист и не писатель! – раздражённо проговорила Таня, когда, наконец, удалось проглотить ком в горле. – Мне ближе излагать мысли в рисунках!

– Между нами, у тебя и это плохо получается.

– П-почему вы на меня наезжаете?! – возмутилась девушка.

– А почему ты безответственно относишься к выполнению заданий?..

– Вовсе не безответственно!

– ...Моя помощь в таком случае совершенно бесполезна, и я, наверное, зря трачу на тебя время, а своим временем я дорожу!

Таня растерялась: почему-то было трудно поверить, что Полина всерьёз её отчитывает. Наверное, это какая-то психологическая игра, она ведь психолог!

– Я прекрасно знакомлюсь с мужчинами! *Это* задание у меня получается!

– Правда? – Полина вскинула брови и опять скосила глаза в сторону. – И что же у тебя получается?

– 3-знакомиться, – девушка запнулась.

– Вообще-то как мы формулировали цель твоих знакомств?

– Никак не формулировали.

– Вот те раз! Ну-ка вспомни!

– Вы сказали, чтобы я просто знакомилась... чтобы почувствовать себя женщиной.

– Это так, по-твоему, я формулировала задание? Ты услышала то, что захотела услышать, а совсем не то, что было на самом деле! Сколько раз я повторяла: нужно записывать задания! Взять тонкую тетрадку и записывать!

– Вы не говорили записывать задания! Предлагали только составить список желаний. Я точно помню!

– Вот я тебе и твержу: ты помнишь и слышишь лишь то, что хочешь.

– Но это не так!

– Подожди!

Полина скрылась за белыми двойными дверями и вернулась с листом в клетку и ручкой. В качестве опоры под лист протянула книгу Лазарева.

– Записывай! «Цель моих знакомств – встретить мужчину, с которым я буду счастлива и который станет моим мужем». С достижением этой цели у тебя пока проблемы, поэтому твоя гордыня, будто ты прекрасно справляешься с заданием, неуместна.

– Вы не говорили, что это цель задания! Это моя личная цель! Задание тут не при чём. А вы говорили просто знакомиться! Вроде даже не обязательно среди вашего списка окажется мой избранник, может, он другим способом найдётся. Точно помню ваши слова!

Тане хотелось зажать себе рот, потому что слишком много и бессмысленно спорила и этот спор буквально опустошал внутренности. Ясно как дважды два: Полина несправедлива, и несправедливость вопиющая! Она додумывает то, чего не было, а Таня своей памяти доверяет: не совсем же дырявая у Тани голова! «Вот сию минуту встану и уйду! Скажу напоследок: „Зря думаете, будто я так уж нуждаюсь в вашей помощи!“ Можно добавить: „Надеюсь, больше не увидимся!“» Но вместо этого Таня сказала:

– Лично я довольна тем, как знакомлюсь. Жизнь стала интересней!

– Конечно! Если учесть, что работу ты себе выбрала по принципу «подальше от жизненных бурь». Да и сидишь под тёплым родительским крылышком, беспечно тратишь родительские деньги. Наверное, и мужчину ищешь, чтобы содержал. Только придётся тебя разочаровать: прежде чем что-то получить, надо сначала отдать! Таков закон мироздания, и у него нет исключений.

Полина ещё не договорила, а Таня уже разразилась слезами. Грудь сотрясали рыдания. Под ладонями, закрывающими лицо, было мокро и жарко. На Полину Таня не смотрела. Ей хотелось срочно успокоиться! Она вытирала глаза, набирала в грудь побольше воздуха и, выставив указательный палец, сквозь улыбку бормотала:

– Сейчас... сейчас...

Но подступал новый приступ рыданий.

– Принести платок?

– Н-не надо!.. Я... я сейчас!..

Внезапно Таня развела руками и, взглянув сквозь пелену на Полину, улыбаясь, воскликнула:

– Как я пойду по улице в таком виде?!

– Не три глаза: они от этого сильнее краснеют.

Странное состояние, будто расслабилась внутри пружина, дав волю новым чувствам и новым мыслям. Уже нет обиды на Полину. Стало понятно и радостно от понимания: Полина здесь не при чём! Она вовсе не стремилась обидеть или принизить Таню. В Танином сознании вспыхнул свет, наполнив его всего, даже самые дальние уголки.

– Я поняла! Подождите... Сейчас скажу!.. – от попытки выразить то, что открыла, сдавило горло. – Так в моём детстве... так... Сейчас!

Таня глубоко вдохнула и медленно выдохнула.

– Вы вели себя как... моя мама... в детстве. Она часто меня критиковала. Почти не хвалила... Наверное, боялась испортить... похвалами.

Полина кивала, а к девушке, наконец, вернулась способность нормально говорить. В голову хлынули воспоминания.

– Помню, в школе по природоведению нам задали провести эксперимент: налить воду в бутылку и поставить на мороз. Надо было отобразить этапы эксперимента в рисунках. Я нарисовала цветными карандашами градусник и разбитую бутылку. Подошла к маме с тетрадкой довольная. «И что? – сказала мама. – Ты показываешь, чтобы похвастаться, что ли?» Так обидно стало тогда!

– Теперь ты можешь понять свою маму? – спросила Полина.

– Да, наверное, – Таня задумалась. – Её саму так воспитывали, даже ещё строже. Её мама (моя бабушка) была тренером по плаванию и активным членом партии. Она требовала от дочери только отличных оценок по всем школьным предметам, даже четвёрку нельзя было получить. Записала маму на плавание, гимнастику и музыку, чтобы и там мама была первой. За пятёрки бабушка не хвалила: они как само собой разумелись. Моя мама ещё молодец, что не доходила до такой крайности в воспитании нас с сестрой и братом!

– Хорошо, что ты это понимаешь!

Таня заметила: Полина сидит теперь ближе и смотрит мягко, слегка склонив голову.

– Честно говоря, – призналась Полина, – я думала, с тобой дольше придётся бороться. Есть люди, которые вообще не плачут при ком-то. А слёзы полезны, они очищают.

– Так странно: я даже не обижаюсь на вас, – удивилась Таня.

– И не нужно обижаться! Это ведь ты сама попросила меня сыграть роль твоей недовольной мамы.

– Как «сама попросила»?

– Я имею в виду, – уточнила Полина, – попросил твой ангел-хранитель! Я уже спать собралась, а тут он входит в твоё обличье, светится. Пришлось выслушать. Теперь ты станешь другой, сегодняшнее понимание изменило тебя.

– В каком смысле «изменило»? – улыбнулась Таня.

– Во всех смыслах, энергетически тоже.

– Но вы же не видите человека как светящийся кокон.

– Я вижу по-другому.

– Вы думаете, меня очень легко можно довести до слёз? – забеспокоилась Таня.

– Я бы не сказала, что *очень* легко. Сколько я с тобой боролась? Часа два? Хотя я знаю девушку, которая никогда не заплачет. У неё мама умерла, когда ей было 12 лет.

Таня так и не отделалась от мысли-занозы, что Полине больше импонируют те, которые не плачут, – гордые и сильные.

– Ты статью заведи, её надо доработать, – напомнила Полина.

– Я лучше заново напишу! А это даже перечитывать не хочется, – Таня отвернулась.

– У тебя собран неплохой материал, только подан без души. Наполни статью силой! Пусть она сияет и переливается, как драгоценный камень!

– Материала всё-таки недостаточно, – призналась Таня. – Я ведь так и не расспросила ни одного богатого. Даже не знаю, где их искать, богатых!

– Возьми интервью у Виктора Долгих, губернатора, – вдруг предложила Полина.

– Губернатора? Вы что! Да к нему, наверное, не попасть и не дозвониться! И куда звонить? Разве скажут в справочной службе? И даже если удастся попасть на приём, он, скорее всего, не согласится на интервью. У него своих дел хватает!

– Попробуй! Когда-то давно я немного общалась с ним, он тогда ещё не был губернатором. Устроил интернатовским детям праздник: пирожные, подарки.

– А вы работали в интернате?

– Короткий период. Или возьми интервью у Белоусовой! У неё на Красной улице центр «Госпожа Совершенство».

– Я придумала, как узнать о губернаторе! – внезапно воскликнула Таня. – О нём упоминала экскурсовод, когда мы с мамой были на экскурсии по Отоку! Если я правильно поняла, экскурсовод лично знает губернатора и наверняка может много про него рассказать.

– Так действуй!

Таня начала действовать на следующий же день – меньше, чем за две недели до отъезда. С рабочего телефона позвонила сначала в справочную службу, потом в Дом культуры и объяснила женщине на том конце провода, что для написания статьи ищет экскурсовода, которая проводила экскурсию летом для старшеклассников, а внешность у неё такая-то и такая-то. Женщина внимательно выслушала и сказала:

– А-а, Валечка! Только она у нас постоянно не работает.

– И как мне с ней...

– Обратитесь в школу! Минутку, уточню в какую... Школа №21. Она там учитель искусствования.

– Искусствование... – растерянно повторила Таня. – Извините, может, вы подскажете номер её сотового?

– Нет, не подскажу. Сотового у неё, кажется, и нет!

– А какое её полное имя-фамилия-отчество?

– Валентина Егоровна Мартынова.

Таня поблагодарила и попрощалась. Но, положив трубку, упрекнула себя за поспешность, ведь надо было ещё спросить, где находится школа №21! Да и стоит ли туда соваться до конца месяца? Вдруг школьники уже на каникулах? Дома Настя развеяла Танины опасения, сказав, что каникулы официально начинаются только 31-ого.

Таня пыталась вырваться на неделе, однако работа не отпускала: студенты, студенты... Все с сосредоточенными (а некоторые с испуганными) лицами. Требовательные! Каждому обязательно нужно захватить домой целую кипу книг! В читальном зале никто сидеть не хочет: слишком мало места! Половину занимают Олины студенты с иностранного факультета: все как один в наушниках с отсутствующим взглядом, слушают иностранную речь с кассет, которые выдаёт Оля. А если садится филолог, то оккупирует весь стол, заваливая его книгами, – как будто успеет обработать эту кучу до закрытия библиотеки!

Зал холодный, несмотря на отопление. Холодно и душно! Спёртый воздух в плаستيку-бумажных евростенах стоит плотной резиновой стеной, сколько ни проветривай. Таня до сих пор не привыкла им дышать.

В школу отправилась утром в субботу, хотя, конечно, рисковала не застать Валентину Егоровну.

По городу развешаны поздравления с Новым годом и Рождеством, висят уже с начала декабря, хотя Рождество будет и вовсе нескоро, 7-ого января. На площади Ленина стоит огром-

ная ёлка, правда, нити, увивающие её, не горят по вечерам. Рядом с ёлкой – два больших деревянных короба; внутри снег, предназначенный для изготовления статуй Деда Мороза и Снегурочки. Новогодняя атмосфера будоражит и радует!

После школы Таня решила на йогу не ехать, а побродить по магазинам, найти подарки для родных и для подружки Насти.

Школа №21 тоже подготовилась к празднику: на террасе между окнами второго этажа установлена маленькая нарядная ёлочка; окна сплошь залеплены белыми снежинками, звёздами, трафаретами конфет и снеговиков.

В школе дым коромыслом! Дети носятся, топают, младшеклассники визжат, старшеклассники орут, кто-то дерётся, кто-то катается по бетонному полу. На Таню не обращают внимания, даже полусонный охранник в зелёном камуфляжном костюме не остановил, когда она направилась через холл к лестнице. «Как будто я учительница!» – настраивает себя Таня, но всё же робеет перед ребятами, теснящими её на лестнице. Деловой походкой двинулась вдоль стены в поисках учительской или стенда с расписанием уроков. За подсказкой обратилась к мальчику в очках, тот отправил обратно на первый этаж.

С трудом удалось сосредоточиться на строчках расписания. Глаза слепо бегают по одним и тем же словам, мелькают «8 „Б“», «9 „А“», «физ-ра», «алгебра», «лит-ра». Внезапно, как землетрясение, на школьный мир обрушился звонок. Таня аж подпрыгнула на месте! Детей стало меньше, шум постепенно стих.

Вот: искус-вед., 10-ый «Б», стоит четвёртым уроком. Но четвёртый урок уже был или как раз начинается? И вообще, 10-ый «Б» с какой смены: первой или второй? Рассердившись на себя за несобранность, Таня отправилась на поиски учительской. Учительская оказалась на втором этаже. В кабинете высокая плотная женщина с короткой стрижкой цвета блонд надевала перед зеркалом большую меховую шапку.

– Извините! – обратилась Таня. – Не подскажете, где я могу найти Валентину Егоровну Мартынову?

– Она отвела уже уроки, – прозвучал громкий голос. – Но, может, не ушла ещё. Посмотрите в 237-ом кабинете! Это третий этаж.

Женщина открыла шкаф, но вдруг прищурилась и обернулась на Таню. Девушка поспешно двинулась к лестнице. Тихонько постучала в 237-ой кабинет, толкнула дверь – та открылась.

Повезло! За учительским столом сидит знакомая экскурсовод: растрёпанные волосы, круглые очки, лицо почти без косметики, худенькая, похожа на школьницу.

– Здравствуйте! Вы Валентина Егоровна?

– Да.

Таня вошла в класс и остановилась на пороге.

– Мы с вами уже встречались! Вы проводили экскурсию летом по городу, рассказывали о Центре, Окраине. Мне экскурсия очень понравилась! Я помню, вы упоминали...

– Вы проходите, садитесь! – перебила Валентина Егоровна, кивнув на парту перед собой.

Таня села, оглядевшись. К доске прижаты магнитами портрет художника Пабло Пикассо и три репродукции: «Девочка на шаре», «Нищий старик с мальчиком» и «Герника» (сюрреалистическое изображение войны).

– Дело в том, что я пишу статью в газету, – начала объяснять Таня, – о психологии бедных и богатых. Уже опросила так называемых «бедных». И вот теперь, – смущённо хмыкнула, – ищу «богатых».

Учительница слушала, неподвижно глядя на девушку. Её щёки и носик усеяны веснушками. Ручку она так и не клала на стол, сжимая в пальцах, будто собиралась писать дальше.

– Вы на экскурсии упоминали про губернатора. Были с ним лично знакомы? Если я правильно поняла...

– Да-да, один раз общались! Это давно было.

– Вот я бы и хотела поговорить с вами о губернаторе! – обрадовалась Таня. – Что вы о нём знаете? Кажется, вы говорили, будто он сам, своими усилиями, из бедности вышел в богатство, стал директором фабрики «Лучший в мире Карлсон». Кстати, некоторые пирожные этой фабрики мне очень нравятся!

– Да-да! Знаете, мы с Виктором Эдуардовичем столкнулись случайно, года четыре назад, я только-только начала работать в школе...

В этот момент дверь класса приоткрылась: заглянула и сразу исчезла девчоночья голова. Валентина Егоровна продолжала:

– Это было начало лета, День города... Хотите, расскажу подробно?

– Конечно!

Учительница облокотилась о спинку стула и с улыбкой вздохнула, приподняв и опустив глаза. Перед её мысленным взором пробуждались невидимые для Тани приятные воспоминания.

– На площадь перед Домом творчества «Радуга» обещали вынести самый большой торт за историю Отока от компании «Лучший в мире Карлсон». А ещё обещали, что каждому достанется кусочек! Мы с тремя ученицами отправились на площадь. И попали в гущу праздничной суеты! Ярмарка, воздушные шары, горки и карусели для детей. Торговцы в народных костюмах. Никто не знал, в какое время вынесут торт. Мы сгорали от любопытства и нетерпения! А одна моя ученица не выдержала ожидания и ушла домой...

В дверь заглянула всё та же девочка.

– Скажите, а урока не будет? – протараторила она.

– Какого урока? – не поняла Валентина Егоровна.

Девочка исчезла, не ответив.

– Пожалуй, пора собираться! – учительница поднялась и стала неторопливо снимать с доски портрет и репродукции.

– Пошёл дождь, – продолжила рассказывать. – Но люди не расходились, а попрятались под крыши летних кафе. Интересно же взглянуть на чудо-торт! А потом вдруг народ выбежал на площадь под дождь, и мы с девочками туда же. Смотрим: сцена. Украшена гирляндами из разноцветных воздушных шариков. А на сцене под натянутым тентом – торт.

Валентина Егоровна стояла у доски и жестикულიровала репродукциями. Опомившись, подошла к столу и стала укладывать вещи в сумку и пакет.

– Честно говоря, я разочаровалась, – она подняла глаза. – Не такой уж он большой был! Просто пирамида из всё уменьшающихся тортов. Ожидала увидеть нечто более грандиозное... Знаете, а давайте здесь посидим, пока не выгоняют! – она опустила на стул за учительским столом.

Таня с готовностью кивнула и вновь сосредоточила слух, ожидая, когда речь пойдёт непосредственно о губернаторе.

– Дождь-то был сильный! – неторопливо повествовала Валентина Егоровна. – Толпу перед сценой прикрывали купола зонтиков. А мы без зонтов! Не догадались захватить. Моя ученица поднялась на скамейку и фотографировала поверх голов. А потом люди встали в очередь за тортом, мы тоже. Очередь почти не двигалась. Сначала к тарту приглашали бабушек и дедушек, потом дошколят, потом младших школьников. В толпе было тесно, зато мы прятались под чужими зонтами. Девушка рядом с нами разозлилась, схватила дочку – приподняла её перед собой – и вломилась в гущу людей, как танк! Пробила себе дорогу к тарту! Я потом видела, как они с дочкой доедали кусок. А мы с девочками решили больше не стоять, выбрались наружу. Мокрые, продрогшие! Дождь к тому времени перестал. Площадь вся в лужах... Тут-то к нам и подошёл Виктор Эдуардович!

Я сначала не поняла, что происходит. Незнакомый мужчина, одет по-простому: чёрная куртка, чёрные джинсы. Улыбается, глаза живые. Волосы торчком, как у взерошенного воробья. Сейчас он облысел. И сейчас он полнее, чем был в то время. Когда представился, я опешила! Рот открыла, так и стою с открытым ртом. А он говорит: «Не беда, что праздничного торта не поели». И зовёт в Дом творчества, там буфет на первом этаже. «Угощу!» – говорит. Мы последовали за ним, как овечки за пастухом. Хотя нет (Валентина Егоровна улыбнулась), одна моя ученица сбежала. Остались мы с Наташей.

Он усадил нас за столик, а сам скрылся. Потом появился с двумя молодыми женщинами и их детьми – тоже на улице подобрал. Усадил рядом. Поговорил с буфетчицей, и нам вынесли на картонных тарелочках по куску торта и гранёные стаканы с чаем. Виктор Эдуардович говорит: «Хоть отрезали и не от самого большого торта, но этот тоже очень вкусный. Или даже вкуснее!» После этих слов он подмигнул. Помню, сверху на торте был красный мармеладный цветок, а коржи со сметанным кремом. Сейчас почему-то не вижу в продаже. Мы сидели тесной компанией за столиком и угощались. А Виктор Эдуардович сидел немного поодаль, перекинув ногу на ногу.

Одна из приведённых девушек захотела с Виктором Эдуардовичем побеседовать, задавала вопросы о личной жизни, о работе. Он охотно отвечал. Вот тогда я и узнала, как нелегко ему дался путь от простого студента до основателя фабрики. Он был обычным ребёнком из бедной деревенской семьи. Мать воспитывала одна его и его сестру. Он поступил в Отоковский университет, жил на стипендию в общежитии, экономил. Мама не имела возможности помогать. Уже тогда он начал зарабатывать, совмещая работу и учёбу. В конце концов сам стал материально поддерживать маму и сестру.

– А где он работал? – уточнила Таня, потому что Валентина Егоровна смолкла.

– Я не знаю, не помню.

– Мне бы хотелось подробнее о губернаторе! Как ему всё-таки удалось столь высоко подняться?

– Он говорил, что самое главное – быть добрым и благодарить всех, кто тебе помогает, не жадничать.

– И всё?

– Понимаете... – учительница запнулась и смущённо добавила: – Не знаю вашего имени. Девушка представилась.

– Понимаете, Таня, это ведь было давно! Как я могу помнить все подробности разговора?

А вы о чём именно хотите статью написать?

– О психологии бедных и богатых, – пробормотала Таня упавшим голосом.

– М-м-м... Тогда я вам не гожусь в качестве информатора! – Валентина Егоровна виновато улыбнулась и, приподняв плечи, развела худенькими ладонями. – Напрасно отняла у вас время рассказами о Дне города!

– Мне было интересно послушать!

– Но ведь это совсем не годится для статьи! – учительница окончательно расстроилась. –

А в какую газету пишете?

– Пока не определилась. Отнесу в разные редакции. Я ведь не журналистка, решила подработать внештатным корреспондентом.

– И сразу взяли за сложную тему! Только вы лучше не пишите то, что я рассказывала о жизни Виктора Эдуардовича: вдруг соврала в чём-нибудь? Память – ненадёжный источник информации.

Таня со вздохом коротко кивнула.

– Ой! – Валентина Егоровна внезапно выпрямилась, её глаза радостно расширились, а лицо приобрело забавное детское выражение. – Он ведь оставил тогда визитку! И она у меня где-то затесалась!

Женщина полезла в свою сумку, вынула толстую записную книжку и принялась перелистывать исписанные разноцветными пастами странички. Среди страниц попадались свёрнутые бумажки, ламинированные карточки, мелькнул календарик.

– Не здесь! – она достала другую записную книжку, полистала. – Вот!

Протянула Тане потрёпанную картонку песочного цвета, на которой серыми буквами пропечатаны имя-фамилия-отчество губернатора, телефон и должность: «Директор фабрики кондитерских изделий „Лучший в мире Карлсон“».

– Попытайтесь обратиться непосредственно к нему! – посоветовала Валентина Егоровна. – От меня толку мало, а он вам всё подробно расскажет. Правда, визитка старая. Не знаю, можно ли теперь дозвониться по телефону, который там указан. А если можно, то до кого? Но вы попробуйте!

Таня «попробует» в этот же день, почти не дав себе времени на предварительные волнения.

– Да, слушаю! – откликнулся мужской голос.

– Здравствуйте! Я Татьяна Гугова, начинающий журналист. Хотела бы поговорить с Виктором Эдуардовичем.

На том конце провода замешкались, а затем прежний голос сказал:

– Секундочку!

– Да? – раздался другой мужской голос.

– Виктор Эдуардович?

– Да.

– Вас беспокоит Татьяна Гугова! Я пишу статью о бедных и богатых, как стать богатым. Хотела бы взять у вас интервью.

– Позвольте спросить: как вы меня нашли?

– Ваш телефон дала учительница, которую вы угощали тортом в День города несколько лет назад. В Доме творчества «Радуга».

– Очень любопытно! Дело в том, что вам, Татьяна, на редкость повезло! Застать меня по этому номеру почти невозможно! И, поскольку вам так повезло, я просто обязан уделить вам внимание! Что конкретно вас интересует?

– Как вы стали богатым? Может, вы дали бы несколько советов?

– Знаете, Татьяна, а такая статья уже есть! Тогда же в Доме творчества «Радуга» я давал интервью журналистке с ребёнком. Учительница, о которой вы упомянули, безусловно, помнит! Статья была опубликована в подростковой газете «Мы сами». Возможно, в библиотеках сохранились старые подшивки – посмотрите!

– Но я бы хотела написать *свою* статью, – расстроено пробормотала девушка.

– К сожалению, Татьяна, у меня нет времени! Хотя вы можете обратиться к Веронике Эдуардовне Самоделовой, моей сестре! Она составляет генеалогическое древо нашего рода, описывает биографии предков и ныне живущих родственников, в том числе мою. Наверное, согласится что-то вам рассказать. Запишете телефон?

– Конечно! Записываю.

Он продиктовал рабочий номер.

– Если поторопитесь, то застанете на месте прямо сейчас.

– Спасибо большое!

– Всего доброго, Татьяна!

Выходит, тогда, в День города, Валентина Егоровна не распознала, что одна из мам, приглашённых Виктором Эдуардовичем, была журналисткой, а за столиком во время поедания торта протекала не просто беседа, а настоящее интервью!

Дрожащей рукой Таня набрала номер Вероники Эдуардовны.

– Могу встретиться с вами только после праздников, – сказала сестра губернатора спокойным прохладным голосом. – Или приезжайте завтра вечером!

– А во сколько? И куда? – Таня засияла, не веря своему счастью.

– В шесть часов, если вас устроит. Запишите адрес: улица Квадро, дом 29, квартира 118. Внизу домофон – наберёте номер квартиры, я отвечу.

«К ней домой!» – удивлённо подумала Таня.

Весь оставшийся день она пыталась выяснить, как добраться до улицы Квадро. Помог сосед из квартиры напротив: надо ехать в Центр, сойти на остановке «Часовня», перейти дорогу и сесть на 48-ой.

В воскресенье (началом которого было расставание с Павлом по телефону) Таня отправилась к Веронике Эдуардовне.

Центр преобразился. Одна из ёлочек на остановке «Часовня» увита светящимися нитями. На деревья перед мини-маркетом «Биг Бэг» небрежно накинуты серебряные, изумрудные и золотые световые сеточки. На противоположной стороне улицы возле торгового павильона ёлка увешана цветными коробками из-под сока.

Таня нарочно проехала дальше по Красной улице, чтобы купить блокнот на спирали с красивой обложкой и дорогую шариковую ручку. «Как настоящая журналистка!» – удовлетворённо оценила себя девушка.

Странно становится на душе, когда Таня задумывается над ситуацией: ведь она разговаривала с самим губернатором, а теперь едет домой к его родной сестре! Дух захватывает от радости! Но при этом в мыслях то явно, то мельком всплывает образ таинственной башни. Как будто некая сила, независимо от Таниной воли, несёт Таню по спирали событий всё ближе и ближе к... чему? Что должно произойти в башне? Или ничего там не должно произойти, а все «знаки» и «вещие сны» просто следствие Таниной разыгравшейся фантазии! Трудно сориентироваться, где реальность, а где домыслы.

Узкая улица Квадро пролегает вдоль белёсой холодно-туманной низины, а в низине, сколько ни вглядывайся, не видно признаков человеческой жизни. Только лес серым щетинистым ковром раскатан по склону до горизонта.

В конце улицы стоит открытый всем ветрам высоченный кирпичный дом №29 – просто гигантский, если сравнивать с деревянными постройками вокруг. Стена сплошь застеклённая, а углы в форме узких башен. Такое роскошное жильё на отшибе города?

Войдя во двор под прямоугольную арку, Таня увидела нарядную ёлку, переливчато мигающую разноцветными нитями, и снежные фигуры на детской площадке. Время ещё есть, и девушка специально прошлась по узкой тропинке через площадку, разглядывая при свете вечерних огней массивного деда Мороза со Снегурочкой, рогатого оленя и пышнохвостую белку. Фигуры испорчены собачьими посланиями, желтеющими на основаниях, а также многочисленными ямками, проделанными детьми.

Путь к качелям и летним горкам завален снегом. Утоптано только пространство вокруг снежных фигур, ёлки и зимней деревянной горки. Дети с визгом скатываются, толкают друг друга, выкарабкиваются, скользя в валенках по льду. «Антон, пойдём домой! – устало уговаривает женский голос. – Антон, я уже замёрзла, пойдём домой... Антон, хватит уже... Мама замёрзла, пойдём...»

Девушка направилась к подъезду, и сразу ёкнуло сердце и сбилось дыхание. Достала записную книжку, чтобы лишний раз проверить, верно ли помнит номер квартиры. Всё правильно: 118. Нажала на кнопки домофона.

– Да?

– Это Татьяна Гугова!

– Проходите!

Раздался прерывистый тонкий звук, Таня потянула тяжёлую дверь. И ещё одну. Ого! Такого широкого, светлого и аккуратного подъезда Таня в жизни не видала! Потолок высоченный, оттуда сияют лампы в круглых плафонах. Лестничные площадки на загляденье чистые: ни бумажек, ни окурков, ни бутылок. Перила не погнуты, на стенах не только ни одной надписи или рисунка, но даже ни одной царапины! Удивительны подъездные окна: во-первых, пластиковые, во-вторых, слишком большие, будто в крупном торговом центре. Поверх уличных огней они отражают Таню, как она поднимается на третий этаж. Девушка смутилась, почувствовав себя рыбка в аквариуме, ведь с улицы её наверняка видно!

Дверь одной из квартир открыта, на пороге встречает женщина – наверное не такая уже молодая, но выглядящая молодо и ухоженно. На ней белые лёгкие штаны, шлёпанцы-вьетнамки и просторная рубашка с рукавами до локтей в красную, белую и чёрную полоску наискосок. Волосы небрежно подобраны большим перламутровым зажимом. Женщина отодвинула дверцу зеркального шкафа-купе и повесила Танино пальто на плечики, а потом подала мягкие розовые тапочки с собачьими мордочками.

Таня растерянно бегаёт глазами: это прихожая? Скорее, целая комната для раздевания и одевания на улицу! Отсюда не видно ни кухни, ни зала, как это привычно для Тани. На стенах интерьерные картины, выдержанные в одном стиле: все в желтовато-оранжевой гамме, изображают развалины древних строений, арки, едва различимые мостовые и низкое солнце.

Вероника Эдуардовна провела в просторную гостиную. Под ногами паркет – натуральный, деревянный, из узких дощечек. К гостиной примыкает зона кухни, которая выделена плиткой на полу и изогнутым выступом натяжного потолка. По волнистому краю выступа вкручены маленькие светильники.

Между окном, прикрытым жалюзи, и голой балконной дверью – высокая стойка с цветами в горшках.

Таня села на белый угловой диван без подлокотников, а Вероника Эдуардовна – в такое же по стилю кресло рядом с диваном. Перед ногами круглый столик со стеклянной столешницей, окантованной тёмным деревом. Над столиком низко нависает яркий китайский фонарь.

– Я отскерокопировала статью о Викторе Эдуардовиче, – сказала женщина, потянувшись к столику за двумя отпечатанными листами. – Статья написана четыре года назад, но информация вполне годится, если её переработать и не упоминать, о ком конкретно идёт речь.

Она передала статью Тане, и девушка машинально раскрыла листы перед глазами, но не смотрела в них.

– А разве вы не можете рассказать... по-новому? – спросила, робея.

– Зачем? Я даже не знаю, что добавить к статье! Ведь, если я правильно поняла, вас интересует секрет богатства и успеха. Виктор Эдуардович всё изложил в интервью!

– Хорошо... Я могу взять с собой?

– Конечно, это для вас!

– А может, *вы* дадите интервью? – обрадовалась Таня пришедшей в голову идее. – Вы ведь тоже многого достигли! И у вас свой опыт и своё, наверное, понимание, отличное от понимания Виктора Эдуардовича.

– В целом я с ним согласна! Но могу рассказать от себя. Только задавайте вопросы! Если вы не против, я приготовлю кофе.

– Не против.

И вдруг подумала, что неудобно будет одновременно пить кофе и записывать за Вероникой Эдуардовной.

Женщина прошла в зону кухни и щёлкнула кнопкой чайника, достала из шкафа баночку растворимого кофе.

Под окном рядом с большим блестящим холодильником стоят плетёная скамейка и складной столик, застеленный клеёнчатой скатертью. Широкий подоконник заставлен посудой, коробками и пакетами. Второй подоконник, который перед балконом, тоже завален всем подряд: книгами, бумагами, косметическими принадлежностями. Вдоль стен – дорожные сумки, банки с краской, рулон обоев, пылесос. Таня вдруг подумала, что Вероника Эдуардовна, вероятно, недавно переехала в эту квартиру.

Донёлся возбуждающий аромат кофе.

– Вам со сливками? – поинтересовалась хозяйка, обернувшись.

Таня кивнула, хотя никогда не пробовала кофе со сливками, не считая ароматизированной смеси в пакетиках, которой увлекалась на работе в прежней библиотеке.

Женщина плавно и медленно приблизилась, неся перед собой заставленный поднос. Разместила на стеклянном столике дымящиеся фарфоровые чашки на блюдечках, сахарницу и кувшинчик с коротким носиком. Плеснула в кофе густых сливок.

– Пьёте с сахаром?

– Да. Две ложки, хотя нет, одну!

Таня помешала, звякая блестящей ложечкой. Отпила, с удивлением отметив необыкновенно приятный вкус кофе. По телу разлилось тепло, стало жарко.

– Спрашивайте! – напомнила Вероника Эдуардовна.

Девушка торопливо опустошила чашку до половины, отставила и полезла в сумку за новыми блокнотом и ручкой.

– Вы сами считаете себя богатой? – начала своё интервью.

– Трудно сказать... Я могу, например, слетать в выходные на юг, отдохнуть денька два на море. Но не могу поехать в Австралию – моя мечта!

Пока Таня записывала фразу, Вероника Эдуардовна сделала несколько глотков. Она расслабленно сидела в кресле, подобрала ноги с длинными пальцами. На ногтях серебристо-серый педикюр.

– Ваши родители или родственники поначалу поддерживали вас материально? – спросила девушка, у которой вылетело из головы, что сестру губернатора, как и самого губернатора, воспитывала деревенская мать-одиночка.

– Нет. Мама скромная, без амбиций, доила коров. А отца не помню. Я рано стала зарабатывать и рано поднялась на высокий материальный уровень. Благодаря своей суперответственности и суперсамостоятельности! Содержу себя исключительно сама, даже от брата помощи не принимаю. Некоторые полагают: раз сестра губернатора, то понятно, откуда деньги. Но мы с братом каждый идём своим путём. И каждый сам, независимо друг от друга, пришёл к тому, к чему пришёл. Когда не на кого перекладывать, это стимулирует зарабатывать.

– А мужа у вас разве нет? Ну, чтобы помочь... чтобы вместе? – смущённо уточнила Таня.

– Нет.

– Забыла спросить: кем вы работаете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.